

ПЕРЕД
МИРА
ВЕК

21

Евгений Сатановский

РОССИЯ

И БЛИЖНИЙ ВОСТОК

КОТЕЛ

С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

Евгений Сатановский
Россия и Ближний Восток.
Котел с неприятностями
Серия «Перedel мира: XXI век»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004135
Евгений Сатановский. Россия и Ближний Восток. Котел с
неприятностями: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54447-9*

Аннотация

Это – не энциклопедия, не справочник, не сборник сведений. Но только в этой книге можно найти самую полную и объективную информацию о Ближнем Востоке – месте сражения за мировое господство, природные ресурсы, финансы и бизнес. Евгений Сатановский – президент Института Ближнего Востока, эксперт с мировым именем, кандидат экономических наук, известный ученый, педагог и журналист – знает все о том, что происходит на Ближнем и Среднем Востоке – от африканского побережья Северной Атлантики до границ Индостана. Кто на Ближнем Востоке для России друг и партнер, а кто враг и агрессор? Почему нам не удастся выработать эффективную политику на Ближнем Востоке? Станет ли Россия частью исламского мира? Сколько «шахидов» должно прийти в Москву, чтобы окончательно определиться с интересами и приоритетами,

врагами и союзниками, фобиями и теориями заговоров? Может ли политический ислам быть нашим союзником в противостоянии с Западом? Что такое российский наркорынок и надо ли снова оккупировать Афганистан? Против кого мы можем использовать атомную бомбу? Каково участие России в новом переделе мира?

Содержание

От автора	5
Предисловие	13
Введение в проблему:	25
ГЕОПОЛИТИКА	39
Глава 1	40
Информация к размышлению	52
Глава 2	55
Информация к размышлению	65
Глава 3	83
Информация к размышлению	103
Глава 4	114
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Евгений Сатановский

Россия и Ближний Восток

Котел с неприятностями

От автора

Вообще-то представленная читателю книга не имеет ничего общего с тем, как она изначально должна была выглядеть. Хотя, по правде говоря, ни одна книга на свете не имеет ничего общего с тем, как она должна была бы выглядеть. Не исключено, что первоначальная версия «Отверженных» Виктора Гюго могла быть издана в формате покетбука, а «Война и мир» графа Льва Толстого была задумана как святочный рассказ. Вполне возможно, что Шекспир и Голсуорси писали коротко – это издатели заставили мэтров безбожно раздуть сданные в печать произведения, накачав их информацией, которую, включая имена персонажей, невозможно запомнить ни с первого, ни с двадцать первого раза. Папа автора всю жизнь пытался прочитать «Сагу о Форсайтах». На пятидесятой странице он засыпал, и очередная сигарета падала, осыпая пеплом все вокруг – курил он с семи лет, начав с махорки, а после первого инфаркта перешел с «Беломора» на более легкую «Яву». Потом папе приходи-

лось приниматься за все с самого начала: он забывал, кто из героев с кем и в каких именно отношениях состоит. Скорее всего, О'Генри писал длинно и скучно. Это издатели обреза-ли все до такого состояния, что его сентиментальные много-томные романы превратились в юмористические рассказы. Хорошо известно, что Льюис Кэрролл вообще не писал ни-чего, кроме трактатов по математике, из чего со стопроцент-ной гарантией следует, что «Алиса в Зазеркалье» и «Охо-та на Снарка» изначально, до попадания в руки редакторов и переводчиков, содержали только уравнения и интегралы. Попробуйте найти полную библиографию Кэрролла – сами убедитесь. Британская королева тоже была разочарована.

Так вот, эта книга не имеет ничего общего... ну, впро-чем, это уже было. Она задумывалась как серьезное посо-бие для серьезных студентов серьезного вуза. В ней долж-но было содержаться пятнадцать глав по пять-десять под-глав в каждой. Когда к исходу первого месяца работы автор расписал первую главу до состояния, которое его более или менее удовлетворило, в ней оказалось примерно 100 стра-ниц. Ну, может быть, 96 или 98, но это не слишком облег-чало дело. Тупо глядя на дело рук своих и пытаясь понять, как уместить полтора десятка глав по сотне страниц в кни-гу, которая по предварительной договоренности с издатель-ством должна была укладываться сотни в три, максимум три с небольшим, автор смутно заподозрил, что делает что-то не то. Но, следуя природному инстинкту, напоминающему тот,

который ведет почтовых голубей к родному дому, а черепах Индийского океана гонит откладывать яйца на песчаном побережье южнее Маската, продолжил писать вразбивку – раздел оттуда, раздел отсюда. Заказанный объем был исчерпан, когда, по его подсчетам, была написана примерно четверть того, что имело смысл написать. Что еще важнее, время, которое было отведено на книгу, кончилось. Причем не просто кончилось: ушло не только основное время, но и благородно предоставленные терпеливым редактором полтора месяца сверх срока, которые автор честно заработал тем, что перед тем как засесть за книгу, с храбростью, граничащей с героизмом, заменил оба глаза. Точнее – хрусталики, которые надо было заменить давным-давно, поскольку многолетняя работа с горячим металлом в сортопрокатном цехе завода «Серп и Молот» обеспечивала не только пенсией с 50 лет – для тех, кто до них доживал, но и катарактой. Снизив свои минус двенадцать до приемлемых минус трех и получив уверения врачей, что не ослепнет в ближайшее время, автор написал все, что успел, – пока не уперся в объем и срок. Еще неделя помогла дописать мелочи, отрихтовать шероховатости, перелопатить материал и равномерно распахать его по главам и частям. После чего, в рамках чистовой редакции, десяток глав был превращен в «информации к размышлению» в соответствии с бессмертными «Семнадцатью мгновениями весны» и разбросан между оставшимися. Именно эти вставки должны прояснить читателю, что объединяет и

разделяет Магриб, Машрик, Африканский Рог, Аравийский полуостров и Двуречье. В каких отношениях между собой и с арабским миром находятся бывшие-будущие империи – Иран и Турция, вечный «фронтир» Афганистан и ядерный колосс на глиняных ногах – Пакистан. Как существуют рядом со своими соседями неисламские регионалы Израиль и Кипр и какую роль играют на Западе ближневосточные диаспоры. Какие планы реализуют основные местные игроки на ближней периферии: Балканах, Закавказье, североафриканском Сахеле и в Центральной Азии и на периферии дальней – в Азии Южной и Юго-Восточной.

Переплетенная стопка бумаги, покрытой типографской краской, которую читатель держит в руках, – треть изначально задуманного, и написана эта треть преимущественно по ночам и по выходным. Остальное время автор консультировал дипломатов и политиков. Давал десятки и сотни интервью журналистам. Отвечал на вопросы, удивляясь общему количеству идиотов на планете и их равномерному распределению по странам мира. Вел колонки в «Известиях» и «Московских новостях», полосу в «Военно-промышленном курьере» и много что еще в других местах. Ничего не вел в блоге, твиттере и фейс-буке, которых не имел, не имеет и надеется никогда не иметь – не президент, некогда. Еженедельно по утрам в четверг общался с российскими радиослушателями вместе с Владимиром Соловьевым и Анной Шафран, а вечером, опять-таки в четверг, раз в две недели портил на-

строение русскоязычным американским радиослушателям с Михаилом Бузукашвили. Работал «говорящей головой» для телевидения, если что-то случалось на Ближнем Востоке, где все время что-нибудь случается. Носился по миру в соответствии с поговоркой «для бешеной собаки сорок верст – не крюк». Читал лекции студентам. Штудировал новые и перечитывал любимые книги – в большом количестве. Просматривал журналы и газеты. Прорабатывал аналитические материалы, подготовленные экспертами Института Ближнего Востока. Писал статьи и следил за новостями. Проводил совещания и участвовал в совещаниях. Отвечал на вопросы. Следил за происходящим на финансовых рынках и в черной металлургии. Переругивался с идейными и личными врагами, преимущественно покровителями «бородатых зайцев» из числа саудовской и иранской резидентуры, в телеэфире, радиоэфире и живьем, с интересом читая потом, что они об этом пишут в Интернете, где всякая мелкая болонка становится храброй, как тренированный питбуль. Организовывал конференции и выступал на чужих конференциях, стараясь уложить все, что хотел сообщить аудитории, в отводимые на каждый приличный доклад десять минут. Именно десять, поскольку это максимально допустимое время, после которого слушатели начинают засыпать, если только выступающий не поет, не играет на музыкальных инструментах и не исполняет стриптиз у шеста. Впрочем, двое из трех засыпают и в последнем случае, особенно если шест изготовлен из

нержавеющей стали зеркальной полировки – не «быстроре-за» или 12Х18Н10Т, но тоже приличной, вращается на бесшумных подшипниках и оказывает гипнотический эффект. Короче говоря, автор был занят – как всегда, на протяжении последних сорока пяти лет, с тех пор как злая судьба и Закон о всеобщем среднем образовании привели его в первый класс средней 720-й школы. Доведя же себя до изнеможения работой, он общался с друзьями и семьей – преимущественно по мобильному и скайпу, гладил по шелковистой шерсти двухкилограммового пекинеса Зулю – официально Гакусей-Зянь-Вэй, и пил чай в объемах, которых с избытком хватило бы на год населению Шанхая.

Техническое образование, полученное в лучшем металлургическом вузе планеты, и многолетняя карьера в проектном институте и на заводе привили автору уважение к цифрам. Цифры надежны. Дают ощущение точности и фундаментальности. Описывают мир таким, как он есть. Нет ничего поэтичнее цифр для того, кто в них по-настоящему разбирается. Статистика – поэзия востоковеда-практика, как вежливо называют в прессе отечественных разведчиков и вражеских шпионов. Хлеб дипломата и банкира. Проклятие студента МГИМО и ИСАА. Если бы автору дали волю, эта книга включала куда больше цифр, чем включает, – если, конечно, все они не будут выброшены в процессе редактуры. Цифры не идеальны: информация «протухает» со скоростью, которая заставляет переиздавать постоянно противные негла-

мурные толстые справочники, которые так идут блондинкам в легких, намекающих на наличие интеллекта очках, носящих розовое, кобальт и нежно-голубое. Благо, Интернет позволяет обновлять информацию без уничтожения лесов, позволяя сохранить их для производства по-настоящему важной для человечества продукции: туалетной бумаги и салфеток в клеточку. Однако цифры нравятся не всем. Есть те, кто не воспринимает их вообще. Есть те, кто не откроет книгу, если в ней много статистики. И кому тогда эта книга нужна? Уж точно не издательству, которое не хочет быть банкротом. Так что читатель держит в руках адаптированную версию. Кое-какие разделы в ней ради эксперимента и из легкого сатизма сохранены в исходном виде и представляют собой «кашу с гвоздями», насыщенную цифровой информацией. Но, в конце концов, автор не Михаил Булгаков, не Михаил Веллер и не Михаил Жванецкий – чего ему и самому жаль.

Однако, поскольку читатель тоже человек, книга представляет собой нечто вроде конской колбасы с рябчиком в пропорции один к одному: одна лошадь – один рябчик. В текст вкраплены лирические отступления. Это подлинные истории, каждое слово в которых – правда. Устав от лекторского тона, автор местами позволял себе сменить его на легкий стеб. Уместно ли это – судить издательству. Студентам нравится. Зрителям и слушателям нравится. Читателям – поглядим. Используя собственный опыт, автор честно рекомендует, не комплексуя, пропускать разделы, которые по-

кажутся читателю не заслуживающими его внимания или скучными. Автор не обидится по двум причинам. Во-первых, никогда об этом не узнает. Во-вторых, сам так всегда делает. Не исключено, пропущенная информация пригодится зачем-нибудь потом. Не исключено, что она не пригодится никогда – данному конкретному человеку. Пригодится другому. Третьему. Сто двадцать третьему. Книги вообще надо читать быстро – потом их можно перечитывать, если они того стоят. Во всяком случае, помянутый выше двухтомник Голсуорси, которым можно было бы убить средних размеров слона, просто уронив его на это ни в чем не повинное животное, двенадцатилетний в то время автор, вдохновленный шедшим на телеэкранах страны британским сериалом, прочел за три дня. Было интересно.

Предисловие

БСВ – «дуга нестабильности», или котел с неприятностями

Что представляет собой с российской точки зрения регион, занимающий пространство от Марокко до Пакистана и от Сомали до российской границы? Территорию «Большой игры»? «Мягкое подбрюшье» России? Родину джихада? Потенциального союзника России в противостоянии с Западом и Китаем? Ресурс углеводородов для мировой экономики? Источник вдохновения для Збигнева Бжезинского, Владимира Жириновского и Александра Дугина?

Традиционно БСВ называют «мягким подбрюшьем» России. На самом деле, сколько бы мы ни готовились к противостоянию с блоком НАТО, какие бы спекуляции ни строились вокруг гипотетического конфликта с Китаем, как бы ни спорили с Японией по поводу Курильских островов, единственной реальной угрозой для России является угроза с юга. Для джихадистов всего исламского мира Россия – часть «мира меча». Войну с нашей страной они ведут со времен советской оккупации Афганистана, искренне полагают, что победили, и готовы добить в любой момент на нашей собственной территории после победы над Западом, временный альянс с которым позволил им добиться ухода из Афганиста-

на СССР. Теракты на Северном Кавказе и в Москве, суицидальный террор и захват заложников отчетливо несут на себе ближневосточный почерк. Проблема распространения ядерного оружия для России, при всей опасности ситуации в Северной Корее, – это проблема стабильности пакистанских ядерных арсеналов и приближения Ирана к ядерному статусу. Проблема наркотиков – бесконтрольное производство опиатов в Афганистане и их транспортировка в РФ через центральноазиатские республики. Проблема религиозного экстремизма – распространение на территории страны радикальных исламистских идей, происходящих из стран БСВ и замена умеренного российского муфтията экстремистами из числа возвращающихся в Россию радикалов, обучавшихся в медресе и исламских университетах региона или участвовавших в джихаде в Ираке и Афганистане. Проблема границ – претензии Ирана на перераспределение бассейна Каспийского моря. Военно-политический и экономический подъем Ирана и Турции сулит России в будущем ничуть не меньшие проблемы, чем соседство Китая. Традиционно МИД РФ, структура осторожная, консервативная и, в отличие от советских времен, лишенная идеологического давления Политбюро, вовлекавшего страну в рискованные авантюры, высказывая мнение Москвы по тем или иным конфликтным ситуациям БСВ, делает это максимально сглаженно, стараясь не вставать ни на чью сторону. Однако полагать, что ровные отношения с арабским миром и Турцией, Ира-

ном и Израилем, Афганистаном и Пакистаном можно будет сохранять вечно, было бы слишком наивно – или это обойдется слишком дорого. Британская поговорка «араба нельзя купить, его можно только арендовать» чрезвычайно точно характеризует одну из основных традиций региона, однако сохранение прочных партнерских отношений со всеми без исключения силами, действующими на БСВ, существенно превышает объем наличности, циркулирующей в мировой финансовой системе.

Как и во все предшествующие эпохи, ближневосточные «центры силы» во втором десятилетии XXI века соперничают между собой. «Великие державы» в расширенном составе продолжают очередной раунд «Большой игры». Международные организации реализуют масштабные проекты, значительная часть которых направлена на обеспечение финансирования самих этих организаций, не имея отношения к реальным проблемам БСВ. События же в регионе разворачиваются своим чередом. В отличие от процессов, идущих в Африке южнее Сахары, которая пока варится в собственном котле, проблемы Ближнего и Среднего Востока касаются Европы и Соединенных Штатов, России и Китая, Индии и стран ЮВА напрямую. Они влияют на объем и ценовой баланс рынка углеводородов и состояние рынка вооружений, безопасность мировых грузоперевозок и уровень террористической угрозы, эмиграцию из стран «третьего мира» в государства «золотого миллиарда» и экологию, пер-

спективы режима нераспространения и будущее наркоторговли. Именно этим объясняется внимание, которое мы уделяем событиям, происходящим на пространстве от Атлантического побережья Северной Африки до пределов Индостана.

Политологи всего мира вслед за Збигневом Бжезинским часто называют эту территорию «дугой нестабильности», что более или менее соответствует действительности. Все попытки привнести в эту дугу стабильность, которые в свое время с энтузиазмом, достойным лучшего применения, предпринимал Советский Союз, распространяя на ее просторах социализм, а сегодня – Соединенные Штаты со товарищи, распространяя там же и с тем же успехом основы демократии, провалились и, позволим себе предположить, будут проваливаться впредь. Причина этого в том, что регион, по глубокому убеждению автора, представляет собой настоящий котел с неприятностями, а из ведьмина варева супа не сваришь, чего туда ни кроши. Известная поговорка про бочку меда, которую портит ложка дегтя, в применении к БСВ означает бочку дегтя, которую так называемое мировое сообщество пытается исправить дозированными инъекциями меда, искренне удивляясь, почему у него ничего не получается.

Отметим сразу: единого для всего мира подхода к тому, какая именно территория составляет Ближний Восток, не существует в принципе. Каждая имперская столица имела свое

видение мира, каждая академия унаследовала это видение от своей империи, а современные постмодернистские научные школы привнесли в это немало путаницы, причудливым образом кроя планету по живому, в меру того, насколько компьютерные технологии позволяют экспериментировать с географией. В итоге наряду с классическими полушариями мы можем найти в Интернете мир, центром которого являются Австралия или Китай, Япония или Индия, Бразилия или Турция. Однако, отбросив экзотические варианты, мы обнаружим, что основные картографические школы помещают на интересующем нас месте: Ближний Восток и Большой Ближний Восток (английская) или Ближний и Средний Восток (русская). Было бы любопытно взглянуть на регион с точки зрения академических традиций Парижа, Берлина, Рима или Мадрида, однако французская и немецкая школы ближневосточных исследований (как и японская или китайская) при всей их значимости замкнуты в национальных границах, побеждены англоязычной и на протяжении десятилетий являются «вещью в себе». Что до итальянских и испанских материалов – интересы этих стран в регионе были слишком ограничены, чтобы всерьез повлиять на мировую картографию.

Ближний Восток большинства современных англоязычных атласов и учебников – порождение британской колониальной системы, с запада и юго-запада ограничен Египтом, а с востока – Ираном. Бывших французских и итальянских

колоний, территорий, вошедших в состав Российской империи, а также стран, возникших на месте африканских колоний Великобритании и Британской Индии, на этих картах нет. Есть Кипр – но никаких следов Магриба, Сахеля или Афганистана. Что понятно с точки зрения британской университетской школы, готовившей администраторов и дипломатов под конкретную задачу. Чужие колонии изучать бессмысленно, Судан и Африканский Рог – это Африка, Пакистан – Индия, а ими занимаются в другом департаменте. Ничего личного – только бизнес.

Ближний Восток послевоенной американской школы – куда шире. В его состав входит Большой Магриб, Судан и побережье Африканского Рога – до границ Кении, Афганистан и, по крайней мере на некоторых картах, Пакистан, который окончательно «прописался» на Большом Ближнем Востоке в составе американского АфПака в 2000-х годах. Отметим, что с точки зрения США Большой Ближний Восток включает республики Центральной Азии и Закавказья, являющиеся северной периферией Турции, Ирана и Афганистана и в этом качестве входящие в зону стратегических интересов Соединенных Штатов. У военных баз, путей тылового обеспечения и зон дислокации вооруженных сил своя география.

Российский Ближний и Средний Восток (традиционно характеризовавшийся в отечественной востоковедной школе как ТВД БСВ – театр военных действий...) по понятным причинам не включает бывшие советские республики,

с 1991 г. существующие в качестве независимых государств, объединенных с Россией в рамках более или менее виртуальных межгосударственных соглашений и союзов. Они, с точки зрения автора, имеют не большее отношение к региону, состояние дел в котором он предполагает описать, чем африканский Сахель, Балканы или Индия. Общее историческое, цивилизационное, религиозное, культурное прошлое БСВ сближает его пограничные районы с примыкающими территориями транссахарской Африки, юго-восточной Европы, Закавказья, Центральной Азии, китайского Восточного Туркестана или Индостана. Кипр – такая же часть исторической Османской Порты, как Балканы, но он еще и Европа. Мавритания, Судан, Эритрея, Джибути и Сомали – не только Ближний Восток, но и Африка. Пакистан – часть исторической Большой Индии, а Афганистан – Центральной Азии. Все это не отменяет того простого факта, что «русское наследство» на «северных территориях» Турции и Ирана, вошедших в состав Российской империи в XIX веке и существовавших в составе СССР до конца XX столетия в качестве союзных республик, до настоящего момента живо. Вашингтон, Пекин и Брюссель, не говоря уже о Тегеране или Анкаре, не вытеснили оттуда Москву и, несмотря на некоторое ослабление позиций России, вряд ли вытеснят ее до конца. Поэтому, вопреки Госдепартаменту и Пентагону, мы будем говорить об этой территории как о периферии БСВ, но не его интегральной части.

Этот громадный по площади и чрезвычайно разнообразный по природным условиям регион – ближний сосед России и основной объект ее территориальной экспансии в XVIII–XIX столетиях. Турецкая империя и Иран потеряли немало причерноморских и прикаспийских провинций в войнах с Россией, хотя часть ранее потерянных земель была возвращена ими после распада Российской империи. В начале XX века большая часть БСВ была частью трех империй: Британской, Французской и Российской. Ливия, Эритрея и Южное Сомали принадлежали Италии, Западная Сахара и находящиеся на территории Марокко города Сеута и Мелилья – Испании. Оттоманская Порта и Иран, казалось, доживали последние десятилетия самостоятельного государственного развития, а независимость Афганистана была обеспечена исключительно его ролью буферной территории, балансировавшей между Лондоном и Санкт-Петербургом. Период между двумя мировыми войнами с мандатной системой Лиги Наций позволил дополнительно урезать Турцию в пользу Франции и Великобритании. Современная конфигурация государственных границ БСВ – не более чем итог распада колониальной системы. Как следствие неурегулированные претензии стран БСВ друг к другу на протяжении десятилетий стали причинами множества войн и пограничных конфликтов, в итоге которых некоторые из этих стран, продолжая иметь представительство в ООН и прочие формальные признаки государственности, превратились в территории, не

управляемые из единого центра.

Межгосударственные конфликты и гражданские войны, терроризм и пиратство, преследования меньшинств и трайбализм, революции и перевороты, распространение оружия массового поражения и наркопроизводство, геноцид и джихад в его современном технологическом исполнении – отличительные черты современного БСВ. Выйдя из-под контроля метрополий, бывшие колонии, за редкими исключениями, создали не стабильные общественные системы, а имитацию западных институтов. Регионом управляют монархии, авторитарные светские диктатуры, военные хунты или исламские властные институты – за исключением Кипра и Израиля, политические системы которых воспроизвели европейские модели, а не имитировали их. Попытки найти в «арабской весне» 2011 года признаки превращения этих режимов в «демократии современного типа», распространенные в европейских и американских политологических кругах, заставляют вспомнить о советском идеологическом «госзаказе». Как ни парадоксально, Збигнев Бжезинский удивительно мало отличается от Александра Дугина, а Ричард Чейни от Владимира Жириновского. Бжезинский, шляхтич старого закала, не доверяющий русским в соответствии с заветами восстания Костюшко, а евреям просто потому, что какой же польский аристократ будет полагаться на евреев, даже после теракта 11 сентября 2001 г. считал союз США с исламским миром предпочтительнее антитерро-

ристической коалиции с Россией, Индией и Израилем. Евразиец Дугин вопреки реальности первой и второй чеченских войн надеялся на то, что в борьбе с американской гегемонией и западным заговором Россия найдет в исламском мире естественного союзника. Борцы с «желтой опасностью» и в США, и в России ищут в странах ислама противовес Китаю. Вице-президент США Чейни, республиканец и неоконсерватор, с началом военных кампаний в Афганистане и Ираке по сути реализовал призыв вице-спикера российской Госдумы Жириновского, либерал-демократа и патриота, «омыть сапоги в Индийском океане» (правда, американские, а не более близкие Владимиру Вольфовичу кирзовые отечественные). Воистину противоположности сходятся. Прав был Екклесиаст: «Что было, то и будет. Что делалось, то и делается. Вот придут некоторые и скажут «это – новое». Но все это уже было в мирах, бывших прежде нас».

Вне зависимости от уровня отношений России с США и ЕС, Китаем и Турцией, Ираном и Израилем «Большую игру» никто не отменял, хотя времена Киплинга прошли, состав игроков поменялся, некоторые из фигур на доске сами стали игроками, а мировая финансовая столица давно не Лондон, а Нью-Йорк. И что с того, что в число ближневосточных углеводородных ресурсов, питающих мировую экономику, вслед за нефтью вошел газ, трубопроводы протянулись на тысячи километров, а танкеры превратились в супертанкеры? Что с того, что «свободных портов» больше не существует, Суэц-

кий канал национализирован, а судоходство в проливах регламентировано международным правом? Соперничество и борьба конкурентов на БСВ не прекращаются от того, что они являются партнерами, и лишь обостряются, если они – противники. Союзников там не бывает – есть лишь борьба всех против всех и интересы, которые временами могут совпадать.

Что характерно, интересы государств отнюдь не обязаны совпадать с интересами национальных ведомств или корпораций, а интересы самих ведомств – с личными интересами возглавляющих их бюрократов. Частные владельцы – иное дело, но много ли в мире корпораций, напрямую управляемых акционерами? Да и интересы той или иной страны в том виде, как их формулирует и реализует государственный аппарат, состоящий из конкретных людей с конкретными личными приоритетами, имеют мало общего с интересами населения, будь это западные налогоплательщики или отечественные избиратели. Убыток от военно-технического сотрудничества, строительства за рубежом атомной станции, гидроузла или железной дороги государство спишет, утешившись политическими выгодами или имиджем страны. Корпорация, осуществляя этот проект, заложит в него свою ренту вне зависимости от потерь. Аппарат сполна получит зарплату, командировочные и премиальные. Руководство проекта – бонусы и синекуру к пенсии. Ну, а «народ» – народ в поле. В полном соответствии со своей исторической

миссией и анекдотом брежневских времен, вне зависимости от того, живет он в обществе демократическом, управляемо демократическом или любого другого типа. Экономические и политические проекты СССР в Африке и на Ближнем и Среднем Востоке в 60–80-е годы стали кладбищем десятков и сотен миллиардов «тяжелых» – «старых» долларов, покупательная способность которых не сопоставима с сегодняшней валютой США. Именно этих денег не хватило Михаилу Горбачеву для того, чтобы Советский Союз не обанкротился, распавшись в 1991 г. Впрочем, учитывая растущую внешнеэкономическую и внешнеполитическую активность действующего руководства России, отечественную склонность к мегапроектам, волюнтаризм принимаемых решений, фаворитизм в управленческой политике, приводящий на вершину властной пирамиды несменяемых годами дилетантов, и размер «откатов» – кто сказал, что вся эта история закончилась с распадом СССР?

Введение в проблему: на кой оно нам надо

В каком соотношении интересы региональных и внешних игроков совпадают с интересами ищущей собственный путь России? Нужно ли России участвовать во всех миссиях, куда ее приглашают? С кем, против кого и по каким правилам приходится Москве играть на Ближнем и Среднем Востоке? Кто в регионе для России союзник и партнер и есть ли у нее на Ближнем и Среднем Востоке союзники и партнеры? На кого в регионе опирался Советский Союз – и кто они для России сегодня, соратники или попутчики, шанс на будущее или гиря на шее?

Россия на протяжении всей своей истории была пограничной территорией между Европой и странами Ближнего и Среднего Востока. Ее становление как империи произошло благодаря продвижению на юг и восток. Соседство, соперничество и торговля с миром ислама создали уникальную систему взаимоотношений, сформировав евроазиатскую цивилизацию, в равной мере отличающуюся от обоих ее источников. Именно о ней отечественные политики, историки и философы так часто говорят, не слишком задаваясь вопросом, что она представляет собой на самом деле. Россия включила в свои границы значительную часть территорий, входив-

ших до того, как стать ее провинциями, в состав или сферу влияния исламских империй БСВ. Некоторые из них она поглотила полностью, другие – частично, унаследовав, помимо прочего, исторические конфликты между ними и населявшими их народами. Большинство этих народов оказалось по разные стороны государственных границ, в странах, часть которых относится сегодня к исламскому (Турция, Афганистан, Иран, арабские страны), а часть – к неисламскому (Россия, Израиль и Китай) миру.

Российское завоевание Кавказа спровоцировало исход чеченцев и черкесов, образовавших многочисленные военные поселения в арабских провинциях Османской Порты. Распад Российской империи позволил Турции вернуть под свой контроль территории Восточной Анатолии, находившиеся в составе Российской империи с 1878 г., изгнав и уничтожив составлявших значительную часть их населения армян и греков. В бывшей турецкой, а затем британской Палестине русские евреи построили Государство Израиль, получившее дополнительный приток населения из СССР после начала «разрядки» в 70-х годах, когда из Советского Союза была разрешена массовая эмиграция. После распада СССР в Израиль прибыла более чем миллионная «большая русская алия», около трети которой составляли этнические неевреи. Большая часть многочисленных русских эмигрантов в Иране и Турции в период, последовавший после Гражданской войны, ассимилировались, войдя в состав титульных этно-

сов. Небольшие русские общины в Ливане, Палестине, Тунисе и Марокко постигла та же участь. Афганистан принял значительные группы населения, бежавшего в ходе подавления басмачества из советизированной Центральной Азии. Часть «совграждан» оказалась на территории, ставшей вскоре Пакистаном, в процессе формирования армии Андерса из бывших польских граждан, оказавшихся в пределах СССР в результате раздела Польши между Берлином и Москвой в 1939 г. Особую категорию составили «совжены», число которых в странах БСВ составило десятки, а их детей – сотни тысяч. Наконец, с начала 90-х годов появились (на Кипре, в Израиле, Турции, Египте и ОАЭ) группы постоянно живущих в регионе выходцев из России (и других стран постсоветского пространства, составляющих с ними единый социум), занимающихся частным бизнесом, работающих на местные компании или купивших недвижимость в стране пребывания. Особую категорию людей с российским гражданством в странах БСВ составляет исламистская эмиграция: люди, уехавшие из проблемных регионов Северного Кавказа – в первую очередь Чечни, учащиеся исламских университетов и медресе (часто – живущие вместе с семьями), боевики, участвующие в джихаде в Ираке и Афганистане.

На территории современной России живут сотни тысяч выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока. Крупнейшей по численности группой являются израильтяне – бизнесмены, представители свободных профессий, ученые и ме-

неджеры отечественных корпораций. Афганская община – наследие 80-х годов и гражданской войны в Афганистане. Арабская (крупнейшее землячество которой составляют сирийцы) сформирована большей частью из бывших студентов, осевших в России после женитьбы и получения российского гражданства. Часть курдов и ассирийцев – потомки эмигрантов дореволюционных времен, так и не получивших советских паспортов, хотя основное их число обосновалось в нашей стране во второй половине XX века. Турецкая община сформировалась в 1990—2000-е годы из бизнесменов и сотрудников турецких компаний, работавших в России. Как правило, все они являются естественным мостом между страной происхождения и Россией, играя активную роль в налаживании двусторонних и многосторонних отношений, хотя некоторые представители этих общин играют существенную роль в организации нелегальных финансовых потоков, наркотрафике, контрабанде и торговле живым товаром. В 90-е годы арабских экспатов использовали для организации джихада против России исламисты из стран БСВ – практика, практически исчерпавшая себя в 2000-е, после налаживания оперативной работы отечественных силовиков и политических договоренностей руководства России с лидерами монархий Персидского залива.

Составляющее миллионы человек трудовая миграция в Россию из постсоветских государств Закавказья и Центральной Азии имеет к БСВ лишь косвенное отношение. В то

же время прозрачность границ (в первую очередь с Афганистаном) и безвизовый режим стран региона с некоторыми из этих республик позволяют использовать выходцев из них для распространения наркотиков и радикального ислама. Личные контакты российского руководства с лидерами этих стран и наличие общих долгосрочных политических и экономических интересов позволяют купировать большую часть этих проблем на ранней стадии. Как следствие, попытки усиления влияния, которые Иран предпринимает в Армении, Таджикистане и Азербайджане, не конвертируются в укрепление его позиций в России, а в последнем случае, скорее, ослабляют эти позиции. Это же касается политики Турции в Азербайджане и Центральной Азии.

Эпоха военной экспансии России на БСВ закончилась в конце 80-х годов войной в Афганистане. Сегодня там воюют другие. Насколько успешно и какие это создает проблемы в самом регионе и у его соседей – особый вопрос. Преимуществом современной России является прагматичность руководства страны и его дистанцированность от нарастающих на Ближнем и Среднем Востоке конфликтов. Опыт разрыва отношений с Израилем в 1967 г. доказал бессмысленность ставки на одну сторону, вне зависимости от того, на какую именно. Основным торговым партнером России в регионе является Турция. Важнейшим стратегическим партнером в противостоянии исламистскому терроризму и модернизации страны – Израиль. Главным союзником в борь-

бе с распространением афганских наркотиков – Иран. Арабские страны – основной конкурент России по экспорту нефти и природного газа на европейский рынок и главный источник организации и финансирования современного исламистского джихада на Северном Кавказе, но перспективный инвестор и крупный рынок сбыта военно-технической продукции.

Поддерживая отношения с Западом – источником инвестиций и рынком сбыта российских энергоносителей, Москва стремится дистанцироваться от проблем, которые военно-политические провалы в Ираке и Афганистане, а также поспешный курс на поддержку «арабской весны» и операция НАТО в Ливии навлекли на ЕС и США. Она воздерживается от поддержки западных инициатив, а в случае Сирии блокирует их в ООН. В то же время Россия не ввязывается в обычное для СССР противостояние с Западом, которое традиционно инициировалось режимами БСВ, а по таким вопросам, как иранская ядерная программа, выступает единым фронтом с «мировым сообществом», расходясь со странами западного блока лишь в частности. Присутствие России в G-8 и G-20 позволяет ей координировать ближневосточную политику с государствами развитого мира теснее, чем когда бы то ни было в период после Октябрьской революции. В то же время это именно российская политика, и с этим связаны ее расхождения с политикой США и ЕС, иногда объективные, иногда имеющие личностную или ве-

домственную основу. К первой категории относится жесткая критика ситуации в Ираке, Афганистане и Ливии, осторожное отношение к давлению на Иран и Сирию, повышенное внимание к Пакистану. Дестабилизация и радикальная исламизация арабских стран, победа талибов и рост производства наркотиков в Афганистане, опасность превращения Ирана в центр обеспечения и координации действий радикальных исламистов в Дагестане, перспективы утечки за пределы страны составляющих пакистанского ядерного комплекса относятся к главным внешним угрозам для России.

В то же время отечественные инициативы на Ближнем и Среднем Востоке часто имеют инерционный характер. Часть их связана с традицией внешнеполитических ведомств и международных организаций, не имеющей отношения ни к российским интересам, ни к реальности. Именно к этой категории относятся ближневосточное урегулирование, конференции по правам человека и миротворческие миссии ООН, или вопрос безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Нужно отметить, что российские интересы в регионе, в том числе в вопросах транзита энергоносителей Прикаспия и Центральной Азии, игнорируют не только конкуренты, но и партнеры, включая Турцию, Азербайджан и Туркменистан. Мировой экономический кризис повысил интерес «мирового сообщества» к России как источнику финансов. Попытки втянуть страну в затратные проекты ведут Турция – в инфраструктуру, Иран – как противовес Западу, США и ЕС

– для того, чтобы переложить на Москву затраты по восстановлению экономики Афганистана. Лоббирование арабских стран включает преимущественно сферу поставок вооружений и военной техники и поддерживается профильными отечественными ведомствами. Поставки оружия Ливану и Сирии обычно сопровождаются возражениями Израиля – столь же традиционными, сколь бесполезными. В то же время контакты на высшем и среднем уровнях российского истеблишмента с руководством стран региона создают систему сдержек и противовесов, напоминающую западную. Именно она наряду с геополитической и экономической реальностью, корпоративными и ведомственными интересами, фобиями и стереотипами, а также личными предпочтениями и системами связей и создает то, что можно назвать отечественной ближневосточной политикой.

Российская политика в регионе не повторяет и не может копировать политику советскую по определению. Необходимых для этого резервов – технических, финансовых и кадровых – сегодня не существует не только у нас, но и у вместе взятых стран Запада, Китая, государств Юго-Восточной Азии и Японии, которых все происходящее на Ближнем и Среднем Востоке касается так или иначе. За время, прошедшее с 60–80-х годов – пика региональной активности Москвы, произошел отнюдь не только распад социалистической системы и нашей собственной страны. Сам регион изменился коренным образом. Численность его населения выросла

в разы. Проблемы увеличились на порядок. Элита деградировала. Конфликтный потенциал реализовался в войнах и внутренних столкновениях, последствия которых сопоставимы с проблемами, возникшими в Европе по окончании Второй мировой войны. Однако БСВ, за немногими исключениями, не обладает и в обозримой перспективе вряд ли будет обладать промышленной, интеллектуальной и аграрной базой, которая позволила возродить послевоенную Европу. Сегодня здесь, скорее, следует ждать несколько десятилетий переворотов, революций, этнических и конфессиональных чисток, гражданских войн и межгосударственных конфликтов там, где старшее поколение отечественных специалистов строило металлургические заводы и плотины.

Поставки отечественной военной и гражданской техники остались памятником активности нашей страны в арабском мире во второй половине XX века. Именно эти мегапроекты обанкротили Советский Союз, подготовив его распад. По самым приблизительным подсчетам, страны «социалистической ориентации» и государства «третьего мира», большая часть которых располагалась на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке, остались должны Москве более \$ 160 млрд – значительно больше, чем весь внешний долг СССР и России. Особая история – долги по военно-техническому сотрудничеству. Не существует ни одной ближневосточной страны, бывшей партнером СССР, которой российскому руководству не пришлось бы списывать в новейшее

время многомиллиардные долги, с тем чтобы начать с ней сотрудничество «с чистого листа». Бескорыстие такого рода хорошо лишь до определенных пределов, и пределами этими, безусловно, являются стратегические интересы России.

Присутствие на Ближнем и Среднем Востоке «любой ценой» еще возможно было оправдать в период глобального противостояния сверхдержав, когда соперничество идеологических систем могло перерасти в военное противостояние. Задача эта перед Российской Федерацией больше не стоит. Вложения Китая, США, Европы окупаются всегда и везде. Для того чтобы не проигрывать в соревновании с ними, России придется научиться считать, что, разумеется, опечалит появившихся в 90-е годы лоббистов, в том числе работающих в госструктурах, задача которых сводится к реализации малоосмысленных, но хорошо обоснованных внешне-экономических контрактов. Второй, еще более важной, задачей является умение трезво оценивать происходящее в той или иной стране, просчитывая политические риски не менее тщательно, чем риски экономические.

Удастся ли это России – вопрос, осложняемый тем, что для страны характерны высокая коррупционная составляющая, неэффективность бюрократии, засилье неповоротливых и затратных государственных корпораций, непрозрачность финансовых схем и низкая исполнительская дисциплина, недостаточный профессиональный и образовательный уровень менеджмента, включая высшее и среднее зве-

но, а также снижающийся интеллектуальный и технологический потенциал. Все это превосходно понимают арабские, турецкие, иранские, израильские и афганские партнеры России, часто рассматривающие сотрудничество с нашей страной исключительно в ситуациях невозможности по тем или иным причинам работы с Западом или государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

СССР на протяжении своей истории опирался в регионе на различные силы. В первой половине прошлого столетия это были коммунистические и «прогрессивные» партии и движения – еврейские и арабские, а также «народы и страны, борющиеся против колониализма и империализма»: Турция, Иран и Афганистан в период обновления своей государственности в XX веке получили поддержку Москвы. Как следствие, союзниками СССР оказались – или называли себя таковыми – самые разные, часто борющиеся не на жизнь, а на смерть силы, конкурировавшие между собой за дотации, военную или политическую поддержку советских патронов. Выбор между берберами и арабами, евреями и арабами, курдами и арабами, эфиопами и сомалийцами, коммунистами и буржуазными националистами, в число которых входили иракские и сирийские баасисты, афганскими парчамистами и халькистами составлял головную боль международного отдела ЦК, МИДа и спецслужб на протяжении всей истории СССР. Как правило, весь этот кроссворд решался, исходя из текущей целесообразности, линии пар-

тии на данный момент, интриг аппарата, склонностей чиновников и уровня начальственного волюнтаризма. На то, кого именно, где, как и в какой степени поддерживать, могли влиять отношения между руководителями или их ведомствами. Мнение профессионалов, как правило, запрашивалось, однако даже в важнейших вопросах игнорировалось, как это было в ситуации разрыва дипломатических отношений с Израилем в 1967 г. или ввода войск в Афганистан в 1979 г.

«Союзники» СССР использовали Москву, подставляли ее, шантажировали, а иногда и атаковали – как это было с Арафатом, и непрерывно пытались втянуть в свои междоусобные конфликты или столкновения с Западом. При случае они мгновенно забывали об объявленном курсе на «социалистическую ориентацию», когда возникали шансы с выгодой конвертировать отказ от этой ориентации в отношения с европейскими столицами и Вашингтоном или переориентироваться на Пекин. Многие из этих стран покинули советскую внешнеполитическую орбиту еще в период расцвета военно-политической мощи СССР, и ни одно из государств региона, поддержка которых обошлась Советскому Союзу в миллиарды и десятки миллиардов долларов, не поддержало Москву в момент кризиса и распада страны. Алжир, Ливия, Египет, Судан, Сомали, Южный Йемен, Сирия, Ирак, Афганистан, Фронт ПОЛИСАРИО, ООП и множество других движений и фронтов – это мартиролог советской военно-политической стратегии на БСВ.

СССР в свое время поддерживал не только национально-освободительные движения и режимы «социалистической ориентации», но и сторонников «чистого ислама». Именно присутствие делегации советских мусульман в 1926 г. на территории, позднее ставшей Саудовской Аравией, легитимировало претензии ибн-Сауда на высшую власть в мире ислама, когда была сформирована структура, на базе которой позднее возникла Организация исламская конференция. В свою очередь, СССР использовал ваххабитов в борьбе с басмачами-традиционалистами на Кавказе и в Центральной Азии. Сохранившаяся переписка ибн-Сауда со Сталиным представляет собой интереснейший образец ближневосточного макиавеллизма. В период советской оккупации Афганистана Саудовская Аравия, с 40-х годов XX века переориентировавшаяся на США, вступила с СССР, при прямой или косвенной поддержке всего исламского мира и Запада, в конфронтацию, завершившуюся на рубеже веков поддержкой сепаратистов в Чечне. В настоящее время деятельность такого рода напрямую Эр-Риядом не финансируется – центр джихада перенесен в Афганистан и Ирак, однако долго ли сохранится состояние такого полуперемирия, не слишком ясно: как известно по теракту «9/11», в этом регионе изменение позиции на 180 градусов – правило, а не исключение из правил. Соединенные Штаты испытали это на себе в полной мере.

Доносящиеся из региона все чаще призывы к восстанов-

лению роли России на Ближнем и Среднем Востоке преследуют такие же эгоистические цели местных движений и их лидеров, как обращения к СССР их предшественников. Россия интересуется местными игроками с того момента, как она восстановила свою финансовую состоятельность. Военные и ядерные технологии, инвестиции и политическая поддержка, в том числе в ООН, — для них не более чем способ извлечения прибыли из амбиций и иллюзий отечественных ведомств. Не слишком оптимистичный, но реальный вывод из того, что происходит с российскими партнерами и российскими контрактами на БСВ в разгар «арабской весны».

ГЕОПОЛИТИКА

Что представляет собой Ближний и Средний Восток? Каковы действующие в регионе системы управления? Что представляют собой с этой точки зрения страны и территории, из которых он состоит? Где корни местных систем власти и в каких отношениях они находятся между собой? Что такое «арабская весна» и какая демократизация возможна в арабском мире? Как меняется внутрорегиональное соотношение сил на БСВ? Кто рвется к власти, кто ее теряет? Что стоит за сменой режимов, которую мы наблюдаем в регионе сегодня? Что ждет регион в ближайшем будущем и в будущем отдаленном? Как сказывается демография на изменяющемся соотношении политических сил?

Глава 1

Кто в теремочке живет

Что представляет собой сегодня Ближний и Средний Восток? Историческая канва формирования этой геополитической общности знакома каждому школьнику: путь, по которому первые люди вышли из Африки, родина земледелия и скотоводства, первые города и первые цивилизации. Египет и хетты, Хараппа и Мохенджо-Даро, шумеры и Элам, Ассирия и Вавилон, Иудея и Израиль. Персидская империя и Александр Македонский, Рим и Карфаген, Аксум и Мероэ, Парфия и Эфиопское царство, Византия и Йемен. Арабский Халифат и Чингисхан, Тимур и Иран, Сельджуки и Османская Порта, Великие Моголы и мамелюки. Крестоносцы, португальцы, испанцы, Ост-Индская компания. Надир-шах, Наполеон, Ататюрк, Роммель, Черчилль, Бен-Гурион, Насер, Асад, Саддам, бен-Ладен. Тегеранская конференция, Шестидневная война, Война Йом-Кипура, раздел Кипра, война в Огадене, исламская революция в Иране, ирано-иракская война, советская оккупация Афганистана, иракская оккупация Кувейта, война в Заливе, американская оккупация Афганистана, война в Ираке. Геноцид армян, изгнание греков, геноцид в Дарфуре, проблема курдов, проблема берберов, палестинский вопрос. Гражданская война в Алжире, распад Сомали, раздел Судана, «Аль-Каида», «Аль-Каида Магри-

ба», «Аш-Шабаб», сомалийские пираты, ХАМАС, талибы, «Хизболла». Шесть тысяч лет цивилизации, родина алфавита и архитектуры, сельского хозяйства и астрономии, математики и медицины – в том понимании, как мы говорим о них на Западе, частью которого в цивилизационном плане Россия, безусловно, является. Триада авраамических религий: иудаизм, христианство и ислам, две из которых, христианство и ислам, стали религиями мировыми, и множество религий региональных. Плюс много чего еще.

Во времена расцвета сменявшие друг друга империи, включавшие часть – или большую часть – нынешнего БСВ, охватывали Западную Европу (Рим), Восточную Европу (Оттоманская Порта), Закавказье (Порта и Иран), Центральную Азию и Китай (Чингисиды и Тимур), Индию (Моголы). Побережье Индийского океана и острова Юго-Восточной Азии, внутренняя Африка и Балканы, Средиземноморье и речные долины Евразии были связаны с Ближним и Средним Востоком на протяжении тысячелетий. Настоящая книга не предполагает (к искреннему сожалению автора) рассказа о том, почему крупнейшим исламским государством мира является расположенная на стыке Тихого и Индийского океанов Индонезия, а мусульманское население Индии или Нигерии превышает число жителей абсолютного большинства стран исламского мира. Мы вынуждены игнорировать исключительное лингвистическое, этническое и конфессиональное разнообразие, скрытое под этнонимами «арабы»,

«турки» или «персы», лишь вскользь коснувшись проблемы племен, которой в западном мире давным-давно не существует, а на БСВ составляет стержень многих конфликтов, влияя на вопросы войны и мира, межгосударственных отношений и границ. Мы не упомянем или упомянем вскользь огромное множество любопытнейших тем, каждая из которых заслуживает детального рассмотрения. Мы пройдем мимо вопросов, разбор которых мог бы заинтересовать читателя и составить для него интерес – но превратил бы эту книгу в энциклопедию. Всего пять-шесть лет кропотливого труда коллектива, включающего несколько десятков ближневосточников мирового класса, необходимо, чтобы энциклопедия такого рода была составлена и стала бестселлером. Но до сих пор мир жил без этой книги – и проживет без нее еще немного.

Упомянем лишь, что Ближний и Средний Восток – это территория, на которой то, что составляло основу провинций или стран сотни и тысячи лет назад, парадоксальным образом может быть живо и сегодня. Отчасти потому, что география подвержена изменениям в минимальной степени. Земледельческие государства складывались вокруг речных долин. Оплотом кочевых империй были степи и горные пастбища. Острова и полуострова становились центрами империй морских. Пустынные оазисы и горные плато на торговых путях давали приют городам и храмовым центрам. Морские бухты служили убежищем для торговцев и пира-

тов. Горные хребты и пустыни превращались в непроходимые барьеры между народами. До самого конца XX века, когда глобализация открыла для окружающего мира многие ранее недоступные территории, природа была главным фактором, определявшим параметры жизни людей. Менялись языки и религии, завоеватели растворялись в коренном населении или ассимилировали его в своей среде, империи объединяли независимые царства и окружавшие их племена и распадались, военные поселенцы превращались в этнические группы. Однако только в редких случаях природных или спровоцированных человеком катастроф цивилизация изменялась в корне или исчезала. Море могло отойти, превратив процветающий порт в провинциальный город (в Европе наиболее известные примеры – Брюгге и Равенна), извержение вулкана и цунами уничтожить царство (Крит), война – разрушить экосистему (Хорезм) не менее гарантированно, чем наступление пустыни из-за изменения климата (Сахара) или деятельности человека (Мероэ). Но в большинстве своем человеческие социумы и созданные ими институты поражают устойчивостью.

Силовые центры БСВ на протяжении тысячелетий оставались и продолжают оставаться на своих местах, причем соотношение их военно-политического и экономического веса и общие направления соперничества остаются неизменными. Мы находим Турецкую республику на месте Оттоманской Порты, которое до нее занимала Византия, а когда-то

– хетты. Исламскую республику Иран на месте Ирана Сасанидов, Парфии Аршакидов, Персии Кира, Мидии и Элама. Современное Государство Израиль там, где когда-то двенадцать еврейских колен построили библейские Иудею и Израиль. Тунис – именно потому не часть Ливии или Алжира, что это исторический Карфаген. Ливан с его вечной гражданской войной не провинция Великой Сирии, потому что он – прямой наследник Финикии с ее вечно враждующими городами-государствами. Марокко и Алжир сменили Мавританию и Нумидию, Благословенная Аравия превратилась в иссушенный Йемен, Султанат Оман потерял Занзибар и Гвадар. Став Саудовской Аравией, захолустный Неджд завоевал Хиджаз с его священными городами, изгнав на север Хашимитов. Ирак разрывается между шиитами, суннитами и курдами, как когда-то Двуречье было разделено между шумерскими городами-государствами, Ассирией и Вавилоном. Состояние дел на границах Арабской республики Египет с Ливией, Суданом и Израилем напоминает об отношениях Древнего Египта с царством Куш, народами моря и гиксосами. Таких параллелей множество, и они относятся не только к самому региону, но и к его соседям – ближним и дальним. Что с того, что на месте Римской республики и Римской империи – Соединенные Штаты? Так ли велика для БСВ разница между империей Чингисхана и СССР? Китаем Хубилая и Китайской Народной Республикой? Индией Ашоки и Индией Ганди?

Ближний и Средний Восток этой книги – это арабский мир, неарабские исламские страны и неисламские регионы. В арабский мир входят: Магриб (арабский Запад – Северная Африка до Египта), Машрик (арабский Восток – Египет, Левант, Аравийский полуостров и Двуречье), а также арабо-африканские Судан и страны Африканского Рога. Неарабские исламские страны – это Турция, Иран, Афганистан и Пакистан (именно три последние страны и являются Средним Востоком). Греко-турецкий Кипр и еврейско-арабский Израиль входят в регион, не являясь исламскими. В состав Магриба входят: Марокко (с оккупированной им Западной Сахарой), Алжир, Тунис и Ливия, а в состав так называемого Великого Магриба – еще и Мавритания. Африканский Рог – это исламская (по большей части) периферия сокращающейся Эфиопской империи: Эритрея, Джибути и Сомали. В ученом мире не решен вопрос, включать ли в БСВ Эритрею, или эта бывшая итальянская колония и бывшая эфиопская провинция – Африка чистой воды. Автор включает, полагая Эритрею частью региона, близкой исламским соседям и откровенно враждебной Эфиопии, и в этом качестве не видит особой разницы между ней и тем же Сомали. Машрик для самих арабов, и вслед за ними для британской академической школы, заканчивался там, где начинались североафриканские пустыни и суданская саванна – мир берберов и Черная Африка зинджей. Левант – это Иордания, Сирия, Ливан и Палестина, при всей спорности

того, что есть Палестина, а что – Израиль. Двуречье состоит из единственного государства – Ирака, по крайней мере до того, как он официально не распался. Аравийский полуостров – «заповедник» монархий БСВ. На самом полуострове монархическая система правления не существует лишь в Йемене, а за его пределами королевствами являются только Иордания Хашимитов и Марокко Алауитов. Королевство Саудовская Аравия, Султанат Оман и малые монархии Персидского залива: Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Бахрейн и Эмираты Катар и Кувейт составляют Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Показательно, что Иордания и Марокко были приглашены в состав этой организации после начала в 2011 г. волны падения арабских режимов, известного как «арабская весна», подчеркивая ее трансформацию из регионального объединения в «клуб арабских монархий». Причина в том, что обе эти «классово близкие» к государствам ССАГПЗ суннитские (что особенно важно на фоне противостояния Саудовской Аравии и ее соседей по Аравийскому полуострову с шиитским Ираном) страны не имеют к Заливу отношения территориально, но обладают хорошо подготовленными армиями. Фактор, значительно более важный для богатых и владеющих огромным количеством современной военной техники, с которой их собственные малочисленные армии не умеют обращаться, «заливников», чем география.

До XVIII – начала XIX века на большей части БСВ ца-

рили две региональные империи: Турция и Персия. На Африканском Роге доминировали эфиопские негусы. Отдельные города и прилегающие территории региона с XVI века превращали в опорные базы португальцы и испанцы. С XVII столетия регион «трогали на прочность» голландцы, англичане и французы, чьи интересы продвигали пираты и не слишком отличавшиеся от них ост-индские торговые компании. Местные правители были автономны, склонны к мятежам и покровительствовали собственным пиратам, успешно действовавшим в Персидском заливе, Красном и Средиземном морях. Но именно турецкие султаны носили титул «повелителя правоверных», и лишь персидские шахи могли открыто соперничать с ними на границе, разделявшей две империи от Кавказа на севере до Персидского залива на юге. XVIII век изменил эту схему, а XIX ее похоронил. Раздел мира, в результате которого к началу XX столетия на карте БСВ осталось немного территорий, не закрашенных (на отечественных картах) оливковым (Российская империя), зеленым (Британия) или сиреневым (Франция), начался с того, как голландцы, англичане и французы, вытесняя португальцев и испанцев, начали «осваивать» Индокитай и Индию, а Россия – турецкое Причерноморье и персидский Прикаспий.

В настоящей книге мы не рассматриваем северную периферию региона, вошедшую в состав Российской империи и сохранившуюся в более или менее неизменных границах в

составе единого государства со столицей в Москве до 90-х годов XX века. К тому времени британская, французская и испанская колониальные империи уже несколько десятилетий не существовали, а итальянская, построить которую пытался Муссолини, исчезла с карты на памяти его поколения. Возможно, и даже наверняка, в будущем будет написана книга, рассматривающая Венгрию, Румынию, Балканы, Молдавию, Грузию и Армению, а также большую часть современной Украины, включая Крым, Одессу и историческую родину предков автора – город Сатанов, а также юг России, в том числе Сочи и Анапу, с точки зрения турецкой истории. Не исключено появление труда, изучающего российский Дагестан, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан и Пакистан да и значительную часть северо-западной Индии с точки зрения истории иранской. Маловероятно, но не исключено появление Казахстана и Киргизии в исследованиях по Китаю, который включил в свой состав Восточный Туркестан – нынешний Синцзянь-Уйгурский автономный район, уступив России Туркестан Западный. Границы прихотливы и изменчивы, а история любит шутить. Кто знает, что представлял бы собой сегодняшний мир, если бы Николай II – фигура несчастная в личном плане и трагичная для страны, править которой он пытался, не имея для этого никаких способностей, не ввязался в две бессмысленные войны и не спровоцировал две кровавые революции, окончившиеся так, как они окончились. Помимо

прочего, сомнительно, чтобы на карте этого, несостоявшегося мира, мира без Первой мировой войны, сохранились Турция, Иран и Китай. Кстати, равно так же, как Турция, Иран, Корея и Япония не сохранились бы в нынешнем виде на карте мира после Второй мировой войны, если бы Сталин реализовал все им задуманное, не натолкнувшись на сопротивление Черчилля, поддержанное Трумэном с атомной бомбой, опробованной им на несчастных Хиросиме и Нагасаки. Но это не наша тема.

В начале XX века Великобритания доминировала на той части сегодняшнего Большого Ближнего Востока, о которой мы будем говорить: БСВ российского Генштаба. Египет и Судан, Северное Сомали – современный Сомалиленд и Аравийский полуостров, Двуречье и Палестина, Кипр и современный Пакистан были колониями, подмандатными территориями или другими путями входили в Британскую империю. Большая часть Магриба и французское Сомали – нынешнее Джибути, принадлежали Франции. Ливия, Эритрея и Итальянское Сомали – Италии. Современная Западная Сахара и часть Марокко, включая города Сеута и Мелилья, – Испании. Независимость сохраняли: Турция, Иран, Афганистан и аравийский Неджд. Давшая старт «миру без аннексий и контрибуций» и «покончившая с империалистической дипломатией» Октябрьская революция (или «большевистский переворот») 1917 г. спасла Афганистан от превращения в британский протекторат, а Иран от раздела между Росси-

ей и Великобританией по соглашению 1907 г. о разграничении сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете. В 1919 г. Аманулла-хан провозгласил Афганистан независимым государством. Турецкая республика благодаря Кемалю Ататюрку избежала раздела по Севрскому договору 1920 г. Неджд в том же 1920 г. был полностью захвачен при поддержке англичан основателем саудовской династии Абдель Азизом, а в 1921 г. власть в Иране перешла в руки будущего шаха – Резы-хана Пехлеви.

Границы сегодняшнего БСВ – итог распада колониальных империй в 40–70-х годах XX века и пограничных войн между образованными на их территории независимыми государствами. Стабильность этих границ сегодня под вопросом. 15 января 2011 г., когда на референдуме большинство населения Южного Судана проголосовало об отделении от Республики Судан, дало толчок сепаратистским настроениям на всем БСВ и значительной части Африки. Если раскол Судана признан «международным сообществом», почему Нигерия и Конго, Ирак и Сирия, Саудовская Аравия и Йемен, Афганистан и Пакистан должны оставаться в границах, согласованных в мировых столицах? На повестке дня – передел региона, и это значит, что «Большая игра» продолжается.

Операция «Одиссея. Рассвет» по «принуждению к миру» ливийского лидера Муамара Каддафи помимо прочего позволила проанализировать соотношение сил и тактику государств, движений и международных организаций, дей-

ствующих на Ближнем и Среднем Востоке, и оценить текущую российскую ближневосточную политику с точки зрения соотношения амбиций и возможностей отечественных ведомств и организаций. Политики патриотического толка, проникнутые понятной, хотя и малопродуктивной ностальгией по советским временам, полагают нужным пытаться к ним вернуться. Они готовы соперничать с Западом на всех возможных направлениях, оперативно откликаясь на любые предложения правящих режимов БСВ о военно-техническом сотрудничестве, экономической помощи, строительстве или аренде в регионе опорных баз, игнорируя не только текущую ситуацию, но и советский опыт. Парадоксальным образом лоббисты такого подхода совпадают в видении российской ближневосточной политики со злейшими идеологическими противниками, полагающими Россию прямой наследницей СССР в качестве «империи зла». Проблема в том, что автоматическое присвоение исламскому миру статуса союзника России в будущем противостоянии с Западом, характерное для конца «нулевых», столь же далеко от политического реализма, как и слепое следование в фарватере западной политики, свойственное первой половине 90-х. Впрочем, политическое противостояние в ООН России и Китая группе стран, которые сегодня можно уверенно называть организаторами революций БСВ, по сирийской проблеме открыло новую страницу «Большой игры».

Информация к размышлению

О пользе ЦРУ

Приведенная ниже таблица позволит читателю сравнить некоторые показатели России и стран Ближнего и Среднего Востока. В ее основу легли статистические данные, приведенные в Мировой книге фактов ЦРУ за 2010 г. («CIA. The World Factbook») – самые свежие сведения, доступные на момент написания книги. Источники, из которых составители ежегодника ЦРУ черпают информацию, не разведданные (к сожалению), но отчеты ООН и других международных организаций, что позволяет надеяться на снисходительное отношение к приведенным сведениям даже той категории читателей, для которой само название ЦРУ равнозначно поминанию дьявола всуе. Впрочем, если от таблицы будет слишком сильно пахнуть серой, в качестве оберега можно положить рядом портрет бывшего председателя КГБ СССР Юрия Андропова, одного из самых профессиональных руководителей отечественных спецслужб за всю их историю. Страны БСВ и Россия ранжированы в таблице по такому показателю, как валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности (ВВП по ППС). Численность населения, продолжительность жизни и рождаемость (по второму показателю Россия находится среди аутсайдеров, а по третьему занимает последнее место) позволяют представить

себе текущее положение жителей страны и их перспективы. Величина экспорта и импорта – вес в мировой системе распределения труда. Число мобильных телефонов и пользователей Интернета – вовлеченность в мировое информационное пространство. Последние два показателя чрезвычайно важны для определения потенциала модернизации и для того, чтобы понять, насколько быстро население страны может самоорганизоваться в случае чрезвычайных ситуаций, придя на помощь власти – или ее свергнуть.

Страна	Население млн чел.	Продолжительность жизни лет	Рождаемость детей на женщину	ВВП по ППС на 1 чел. тыс. \$	Экспорт млрд \$	Импорт млрд \$	Моб. тел. млн	Число пользователей Интернета млн
Катар	0,84	75,51	2,44	145 300	57,82	23,38	2,47	0,56
Кувейт	2,8	77,89	2,7	51 700	65,03	20,36	3,88	1,1
Бахрейн	0,74	75,4	2,47	40 400	15,13	12,14	1,58	0,42
ОАЭ	5	76,32	2,41	40 200	195,8	159	10,67	3,45
Израиль	7,4	80,86	2,72	29 500	54,31	55,6	9,02	4,53
Оман	3	73,97	2,87	25 800	36,12	19,3	3,97	1,47
Саудовская Аравия	25,7	73,87	2,35	24 200	235,3	99,17	44,86	9,77
Россия	138,74	66,29	1,42	15 900	376,7	237,3	230,5	40,85
Ливан	4,1	74,79	1,78	14 200	5,19	17,97	1,53	1
Ливия	6,5	77,47	3,01	13 800	44,89	24,47	5,00	0,35
Турция	77,8	72,23	2,18	12 300	117,4	166,3	62,78	27,23
Иран	76,9	69,77	1,89	11 200	78,69	58,97	52,56	8,21
Тунис	10,6	75,99	1,71	9 500	16,11	20,02	9,75	3,5
Алжир	34,6	74,26	1,76	7 400	52,66	37,07	32,73	4,7
Египет	80,5	72,4	3,01	6 200	25,34	46,52	55,35	20,14

Иордания	6,4	79,92	3,42	5 300	7,33	12,97	6,01	1,64
Марокко	31,6	75,69	2,23	4 900	14,49	34,19	25,31	13,21
Сирия	22,2	74,46	3,02	4 800	12,84	13,57	9,7	4,47
Ирак	29,7	70,25	3,76	3 600	49,1	42,56	19,72	0,33
Палестина (ПНА/ Газа)	2,5/1,6	74,78/ 73,68	3,12/4,9	2 900	0,53	3,77	2,41	1,38
Джибути	0,74	60,73	2,79	2 800	0,1	0,64	0,13	0,26
Йемен	23,5	63,36	4,81	2 600	7,46	8,35	8,31	2,35
Западная Сахара	0,5	60,74	4,37	2 500	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Пакистан	184,4	65,63	3,28	2 400	20,29	32,71	103	20,43
Судан	44,0	54,21	4,93	2 200	9,78	8,48	15,34	4,2
Мавритания	3,2	60,75	4,37	2 100	1,4	1,48	2,18	0,08
Афганистан	29,1	44,65	5,5	1 000	0,55	5,3	12	1
Эритрея	5,8	62,15	4,6	700	0,03	0,74	0,14	0,2
Сомали	10,1	50	6,44	600	0,3	0,8	0,64	0,11

Глава 2

Монархии и монархи

Монархии до XX века были единственной известной на Ближнем и Среднем Востоке формой правления, и до сих пор многие страны региона управляются наследственными династиями. С 1664 г. до настоящего времени власть в Марокко сохранили Алауты. Правящие Иорданией Хашимиты – эмиры Мекки с 966 г., Трансиордании с 1921 г. и короли Иордании с 1946 г. фактически создали эту страну по соглашению с Великобританией. Это же можно сказать об их кровных врагах, Саудидах, основавших Саудовскую Аравию – в процессе завоевания вошедших в ее состав земель из эмиров захолустной ваххабитской неждской Дарии, которой они управляли с 1720 г., они в 1932 г. превратились в королей. Основатель династии Аль Бу Саидов в Омане стал имамом и султаном в 1749 г. Эмиры ас-Сабахи правят Кувейтом с 1756 г. Семья Аль-Тани стоит во главе Эмирата Катар с 1850 г. Аль-Халифа с 1783 г. – хакиды, с 1971 г. – эмиры, а с 2002 г. – короли Бахрейна. Ан-Нахайяны являются шейхами Абу-Даби с 1761 г., а Аль-Мактумы – Дубая с 1833 г. На других территориях, входящих в состав Объединенных Арабских Эмиратов, Шарджей (с 1727 г.) и отделившимся от нее в XIX веке Рас-Аль-Хеймой управляет династия Аль Касими. Аджманом – Аль Нуэйми. Фуджейрой с

1876 г. – Аль Шарки. Умм-Аль-Кувейном с 1775 г. – Аль Муалла. Разумеется, влияние этих пяти эмиратов на состояние дел в арабском и исламском мире сопоставимо с тем, которое в Европе имеют Сан-Марино или Андорра. В республиках региона есть много кланов, более влиятельных, чем «малая пятерка» ОАЭ. Однако именно эти эмираты, войдя в состав государства, созданного Нахайянами и Мактумами, обеспечили правлению своих династий легитимность с точки зрения международного права.

Консервативные монархии Аравийского полуострова – жестко ортодоксальная Саудовская Аравия и ваххабитский, но либеральный в отношениях с внешним миром Катар, соседствуют с умеренными суннитскими режимами Кувейта, Бахрейна и ОАЭ, ибадитским Оманом и современной Иорданией с ее бурной парламентской жизнью. Марокко, с давними традициями политической и профсоюзной деятельности, контролем властей над оппозицией и инициированной королем конституцией – постепенно модернизирующийся умеренно-консервативный режим. Стабильность правящих элит во всех этих странах во многом осуществляется за счет экспорта радикальных идей и их приверженцев, осуществляющих джихад за пределами собственной территории. Именно монархии Залива стояли у истоков радикализации политического ислама в суннитском мире в годы борьбы с советскими войсками в Афганистане, создав «Аль-Каиду» из во-

евавших против «шурави» добровольцев – «афганских арабов». Марокко и Иордания – территория вербовки «пехоты» исламистов. Причем марокканцы действуют в Западной Европе, а такими иорданскими радикалами, как Хаттаб, приходилось заниматься России. Повестка дня монархий Залива включает противостояние экспансии шиитского Ирана, борьбу с проявлениями всего секулярного в политической и общественной жизни на собственной территории и светскими авторитарными режимами и диктатурами арабского мира. Они продолжают поддерживать борьбу исламистов против властей в проблемных регионах стран с большими мусульманскими общинами, включая индийский Кашмир, китайский Восточный Туркестан и российский Северный Кавказ. Это же касается исламских радикалов в западном мире – США, Канаде, Европе, Латинской Америке и странах Юго-Восточной Азии. Их финансовая помощь служит основой джихада в Ираке и Афганистане в такой же мере, как и распространение радикального ислама в Сомали, Судане, Йемене и странах Сахеля. Налаживание отношений с этими режимами позволяет приостановить поддержку ими исламистов на той или иной территории на какое-то время, как это произошло в Чечне после установления личных отношений руководства России с монархами Залива, но до конца эта деятельность не прекращается и при необходимости легко может быть запущена вновь.

Как видно из вышесказанного, на БСВ монархии сохранились только в арабском мире, причем, за исключением Марокко, все они сосредоточены на Аравийском полуострове и примыкающих к нему землях Иордании. Это отнюдь не означает, что традиционная аристократия потеряла власть в других частях региона. Шейхи племен, главы религиозных орденов, землевладельцы из старых феодальных родов пользуются широкими полномочиями на территориях, которые контролировали и часто продолжают контролировать их семьи или религиозные последователи. Влияние Ага-хана на исмаилитов, Джумблатов и Арсланов на ливанских друзов, шейха Фадлаллы на ливанских, а ас-Садров на иракских шиитов, Барзани и Талабани на иракских курдов – лишь несколько примеров этого. Происхождение до сих пор играет огромную роль на БСВ, как и во многих других регионах мира, включая те, где сословное деление формально упразднено. Потомки «старых семей» часто ведут активную политическую деятельность в парламентах, занимают посты министров и губернаторов, президентов и премьер-министров, конкурируя с пробивающимися во власть выходцами из армейской верхушки, партийными аппаратчиками и лидерами радикальных исламистских группировок. История жизни и смерти Зульфикара и Беназир Бхутто в Пакистане – яркий пример этого.

Ближневосточные монархии вынуждены лавировать меж-

ду автократическими традициями и давлением – изнутри и извне, ограничивая свои полномочия в пользу той или иной формы парламента или консультативной шуры с более или менее ограниченными полномочиями. Традиционно глава династии или кто-либо из его ближайших родственников является главнокомандующим вооруженными силами страны или национальной гвардией (в Саудовской Аравии), состоящей из элитных подразделений – опоры режима в случае попытки военного переворота. Так, в Иордании король Хусейн являлся фактическим главой созданных им военно-воздушных сил и лично принимал участие в боевых действиях и подавлении мятежей, а его сын, король Абдалла II, командовал десантными войсками. Не менее существенным является контроль над спецслужбами – мухабаратами, который также осуществляется в большинстве случаев членами правящей семьи, – наиболее известен в этом качестве саудовский принц Турки аль-Фейсал. Опорой марокканской и иорданской монархий в массах является происхождение, восходящее к потомкам пророка, которое освящает власть правящих династий с точки зрения ортодоксального ислама. Все они опираются на те или иные кланы или племена – собственные, родственные или союзные, подавляя и ограничивая прочее население страны. В Иордании этой опорой служат черкесы и чеченцы – потомки военных поселенцев Османской империи, а также «классово близкие» Хашимитам бедуины, держащие под контролем составляющих

большинство населения палестинцев. В Саудовской Аравии суннитские ваххабитские кланы Неджда, выступающие единым фронтом против населения Хиджаза, шиитов Восточной провинции, зейдитов Ассира и других жителей завоеванных Абд аль-Азизом ибн-Саудом провинций. В Омане – племена севера и белуджская гвардия против южан Дофара. В Кувейте – оседлое местное население против бедуинов – «бидунов». Etc.

В монархиях действует правило социальной пирамиды, характерное и для других арабских стран. Наверху – правящая элита и ее «группы силовой поддержки», в том числе наемники-иностранцы. Ниже – собственное арабское население, разделенное по происхождению и роду занятий. Еще ниже – работающие на территории данной страны арабы-иностранцы (на Аравийском полуострове египтяне, палестинцы, ливанцы) и наконец – иностранные рабочие. Разумеется, существуют исключения из правил и исключения из исключений. Статус выходца из состоятельной торговой семьи, постоянно живущей в том или ином государстве Залива, работающего там западного финансиста, военного или чиновника и, тем более, ветерана местной армии выше, чем статус учителя или инженера из арабской страны, не говоря уже о временных рабочих. Пример – карьера бывшего ливанского премьера Рафика Харири в Саудовской Аравии. Это касается ливанцев в КСА, персов в ОАЭ и Катаре, выходцев

из Индии или Пакистана в Омане и всех прочих групп такого рода – до наступления очередного военно-политического кризиса, в рамках которого с территории любой страны региона может быть изгнана любая община. Именно это произошло с палестинцами в странах Залива и выходцами из Йемена в Саудовской Аравии после того, как ООП и Йемен поддерживали аннексию Кувейта войсками Саддама, персами и ливанскими шиитами на Бахрейне в разгар «арабской весны», а также сирийскими рабочими, вынужденными покинуть Ливан по завершении его оккупации войсками Асада.

Стратегический союз с США, Великобританией и Францией обеспечивает безопасность монархий перед растущей угрозой со стороны антиправительственных радикальных группировок – когда-то марксистских, теперь преимущественно исламистского толка, а также агрессивных соседей. Таким соседом для Марокко является Алжир, а для монархий Машрика в недавнем прошлом Ирак, а в настоящее время – Иран. В то же время именно присутствие западных войск на территории «священной земли ислама» – «Острова Арабов» послужило для «Аль-Каиды» и родственных ей группировок поводом для разворачивания вооруженной борьбы с «сионистами и крестоносцами», поворотный момент в которой обозначил теракт «9/11» и война на уничтожение с правящими режимами, «впавшими в неверие – джахилийю». С другой стороны, западные страны воздержи-

ваются от подавления антимонархических выступлений или сепаратистских волнений на арабской земле. Для этого монархические режимы используют собственные силы или экспедиционные корпуса соседних арабских стран, как в Саудовской Аравии и на Бахрейне в 2011 г. Эффективным инструментом ненасильственного подавления протестных выступлений являются финансовые дотации. В виде прямых выплат, льгот или отмены налогов они были использованы в разгар «арабской весны» всеми монархиями Аравийского полуострова. В то же время стесненное финансовое положение Иордании и Марокко заставило их пойти на предоставление ограниченных политических свобод в соответствии с требованиями умеренной части протестующих – логичный, хотя и опасный для будущего монархии путь.

Общей проблемой правящих монархических режимов арабского мира является коммерциализация власти и коррумпированность государственного аппарата на фоне роста образовательного уровня населения и его доступа к информационным ресурсам. Сакральный характер монарха, как носителя «власти от бога» и «отца народа», который поддерживался ушедшим поколением ближневосточных владык, не выдержал столкновения с реальностью у их потомков. Активное участие в бизнес-проектах, в том числе сомнительных, высокопоставленных членов монарших семей (жен, дядей и других близких родственников), а иногда и самих пер-

вых лиц или их доверенных придворных, не скрывающих, от чьего имени они действуют, подрывает доверие населения к институту монархии. Потеря роли нейтрального арбитра, стоящего «над схваткой», означает легитимацию свержения лидера государства, не являющегося более фигурой, балансирующей между влиятельными группами в интересах государства в целом. Монарх, перестающий олицетворять страну и начинающий ассоциироваться с каким-либо одним кланом, – это «хромая утка». Отметим, справедливости ради, что та же самая проблема характерна для авторитарных светских режимов региона, в том числе «республиканских монархий». В некоторых из стран, где эта форма правления распространена, в том числе за пределами Ближнего и Среднего Востока, воспроизведен не только монархический механизм передачи власти по наследству (Асады в Сирии, Бхутто-Зардари в Пакистане, Алиевы в Азербайджане, Ганди-Неру в Индии), но и типичные для ближневосточных династий методы управления.

Значительное число аристократических родов и династий Ближнего и Среднего Востока власть в своих странах в XX веке потеряли. Тунис и Ливия, Египет и Ирак, Сирия и Турция, Иран и Афганистан более не являются монархиями. Тунисом беи из династии Хусейнидов правили с 1705 по 1957 год. Ливия, управляемая в 1711–1835 годах династией Караманли, которую сместили турецкие власти, потеряв страну в

XX столетии в пользу Италии, в конечном счете оказалась под контролем эмира Киренаики из рода ас-Сенуси, Идриса I, внука основателя религиозного ордена сенуситов, правившего в качестве короля с 1951 по 1969 год. В Египте свержение в 1952 г. короля Фарука I подвело черту под правлением потомков Мухаммеда Али, хедива Египта с 1805 г. В Северном Йемене Хамидаддины – короли и имамы зейдитов правили Йеменским Мутаваккилийским Королевством с 1948 по 1962 год, когда в результате военного переворота был свергнут вставший во главе династии Сейф-уль-Ислам Мухаммад аль-Бадр. Попытка Великобритании отдать Сирию и Ирак под власть эмиров Мекки и халифов Хиджаза Хашимитов, оттесненных на север в ходе проигранной ими войны с Саудидами, позволила тем удержать под контролем Сирию лишь на один, 1920 год. В соседнем Ираке эта династия правила с 1920 по 1958 год, когда был свергнут и убит король Фейсал. Османские султаны правили Турцией – Великим Османским Государством, или Высокой Портой с 1299 по 1922 год, до отречения Мехмеда VI (в 1923 г. конец турецкой монархии был официально оформлен республиканскими властями). В Иране Пехлеви находились у власти в 1925–1979 годах, когда исламская революция покончила с властью шаха Мохаммеда Резы. В Афганистане власть династии Баракзай, с перерывами правившей страной с 1823 г., пресеклась в 1973 г., после свержения короля – Мухаммед Захир-Шаха. Показательная тенденция развития.

Информация к размышлению

Магриб

Исламская республика Мавритания в настоящее время играет роль главного плацдарма Ирана в Западной Африке, особенно существенную после конфликта Сенегала, Гамбии и Нигерии с Исламской республикой Иран (ИРИ) из-за поставок иранского оружия оппозиционным группировкам этих стран. Укрепившись в Мавритании, Иран фактически «отбил» эту страну у Израиля, дипломатические отношения с которым были разорваны Нуакшотом, после чего Тегеран взял на себя строительство объектов, которые возводились в Мавритании Иерусалимом. Побочным следствием этой рокировки стал разрыв дипломатических отношений с Ираном королевства Марокко под предлогом обострения отношений Ирана и... Бахрейна – задолго до поддержанных ИРИ антиправительственных выступлений бахрейнских шиитов. Сложные исторические отношения Марокко и Мавритании, которую на протяжении длительного времени в королевстве считали несправедливо отторгнутой марокканской провинцией, блокируя ее прием в Лигу арабских государств, не объясняют, почему укрепление позиций Ирана в Мавритании вызвало такую острую реакцию Рабата. Отчасти это можно понять, вспомнив о том, насколько прочные отношения связывают Марокко с Западом, в первую очередь Францией и

США, а также суннитскими монархиями Персидского залива. Протяженное пустынное атлантическое побережье Мавритании с тихими провинциальными портами для Ирана – оптимальная «подскоковая база» на кратчайшем океанском пути к южноамериканскому континенту, с левыми правительствами которого действующее руководство ИРИ связывают тесные партнерские отношения. По этому пути может быть перевезено все что угодно, в том числе грузы, имеющие отношение к ядерной программе Ирана, или запрещенная к ввозу в эту страну санкциями ООН военная техника. В свое время именно соображения такого рода легли в основу эскалации международного скандала вокруг таинственного похищения и не менее таинственного освобождения российского лесовоза «Арктик Си».

Внутренние районы Мавритании (как и большая часть Сахары и Сахеля) сегодня являются тыловой базой «Аль-Каиды в странах исламского Магриба» (АКМ), столь же враждебной шиитскому Ирану, как и Западу. Возросшая с началом операции НАТО по свержению ливийского лидера Муамара Каддафи, традиционного врага «Аль-Каиды», активность АКМ привела к ее превращению в крупнейшую военную силу региона после получения с разграбленных ливийских военных складов тяжелого вооружения и боеприпасов, включая переносные ракетные зенитные и противотанковые комплексы общим числом свыше 10 тысяч единиц. Последнее спровоцировало военные действия против АКМ мав-

ританской армии, поддержанной Западом. Отметим, что на проведение операций такого рода, направленных против его противников, в число которых суннитские радикалы входят по определению, Иран закрывает глаза, хотя Алжир, с его собственным опытом борьбы с исламистами, выразил протест против присутствия западных военных в регионе, полагая это «проявлениями неоколониализма». В то же время повторение операций против АКМ исключительно местными силами невозможно, так как уровень вооружения, находящегося под ее контролем, превышает потенциал большинства африканских армий, включая вооруженные силы таких государств Сахеля, как Нигер, Мали и Чад.

Одна из беднейших стран арабского мира, Мавритания не вошла в полосу волнений, получивших название «арабской весны», и внутренняя обстановка в этой стране сравнительно стабильна. Военный переворот, в результате которого бывший начальник генштаба и командующий гвардией генерал ульд Азиз сверг правившего страной с 1984 г. полковника ульд Тайю, незадолго до этого отправившего его в отставку, прошел еще в 2008 г., став клапаном для «выпуска пара». В то же время сохраняется высокая вероятность конфликтов между основным населением страны – маврами и живущими в низовьях правобережья реки Сенегал африканскими племенами тукулер, сонинке и волоф, а также «белыми» и «черными» маврами (отношения между которыми де-факто сохраняют черты патриархального рабства). Проблема рабов

(или бывших рабов) чрезвычайно остра во многих странах арабского мира. В большинстве из них институт рабства в скрытом виде существовал при колониальной администрации, в бывших турецких провинциях открыто действовал до 20-х годов XX века, когда турок в Леванте сменили англичане и французы, а на Аравийском полуострове формально был отменен только в 60-х годах того же столетия. Как бы то ни было, хотя на территории Мавритании с начала 1980-х годов рабство запрещено законом, рабами там, вопреки оптимистическим данным ООН, являются около 600 тысяч человек.

С экономической точки зрения Мавритания – это богатый рыбой шельф, железная руда и экспорт скота. На территории страны высок потенциал геологоразведки, однако неразвитая инфраструктура снижает ее инвестиционную привлекательность до крайне низкого уровня. Французский бизнес работает там с колониальных времен, китайский чрезвычайно активен сегодня, но для российской экономики страна малоперспективна.

Королевство Марокко, во главе которого с 1999 г. стоит Мохаммед VI, – наиболее устойчивый режим Магриба, который в случае возникновения на территории страны волнений, угрожающих его стабильности, может рассчитывать на масштабную экономическую и военную поддержку стран ЕС и США. С 2004 г. страна имеет статус «главного союзника США, не входящего в НАТО». Вероятность «твиттерной ре-

волюции» по тунисскому или египетскому образцу была резко снижена после объявления королем о принятии конституции, которая, в частности, придала статус государственного берберскому языку, разрешив главную проблему арабо-берберского противостояния (особенно острую в соседнем Алжире) в пользу политического реализма. Помимо прочего, опора на берберов, составляющих около половины населения, позволяет правящему режиму взять под контроль глубинку страны, в которой сильны позиции АКМ. Контроль за политическими партиями и движениями, жесткое пресечение спецслужбами деятельности антимонархического движения, лидеры которого живут во Франции, успешное балансирование между основными кланами, влияющими на экономику, лояльность армии и сомнительные итоги «арабской весны» для населения стран, в которых были смещены верховные правители, являются стабилизирующими режим факторами. Проблема Западной Сахары и соперничество с Алжиром – факторами дестабилизирующими.

Единственной реальной угрозой для правящего режима являются исламисты АКМ, которые, помимо прочего, используют Марокко как тыловую базу для действий во Франции и Испании. Операции по пресечению их деятельности, которые спецслужбы королевства проводят при поддержке контртеррористических групп из Франции и США, дают лишь временный результат: ряды исламистов пополняются выходцами из Алжира и других стран Магриба и Сахеля,

а также европейскими исламистами марокканского происхождения. Основной «хорошей новостью» в борьбе с ними является то, что исламисты пока что не вошли в альянс с западносахарскими марксистами из Фронта ПОЛИСАРИО, базирующимися на территории Алжира, «повестка дня» которых не включает борьбу с «евреями и крестоносцами». Во всем прочем эта ситуация представляет собой характерный для миротворческих инициатив ООН тупик. Автономия в составе королевства – максимум, который Марокко готово предоставить Западной Сахаре, тем более что подавляющая часть населения этой территории сегодня – марокканские поселенцы. Независимость – минимум, которого требуют повстанцы-«сахрави».

Территория Марокко является основным транзитным коридором нелегальной эмиграции из Северной Африки на Иберийский полуостров через Гибралтарский пролив и границу испанских эксклавов Сеута и Мелилья, по которому ежегодно в Европу пытаются проникнуть десятки тысяч человек. «Прорывы» африканских нелегалов в Сеуту и Мелилью, на которые марокканские власти смотрят сквозь пальцы, в периоды обострения отношений с Испанией перемежаются собственно марокканскими инициативами по «завершению процесса деколонизации», которые до настоящего времени имеют мало шансов на успех, хотя в случае масштабных волнений, угрожающих падением королевского режима, нельзя исключить любое развитие событий.

С экономической точки зрения Марокко – это сельское хозяйство, емкий потребительский и туристический рынок, богатый рыбой шельф, горнодобывающая промышленность мирового уровня (фосфаты), развитая инфраструктура, алжирско-марокканский трубопровод Хасси-Рмель – Кордова (с ответвлением на Португалию), многочисленные порты и Гибралтарский пролив, являющийся одной из главных мировых судоходных артерий. Близость к Европе и насчитывающие десятилетия традиции совместного бизнеса марокканцев с Францией и Испанией, сравнительно высокий профессиональный уровень местного персонала и опыт сотрудничества с Россией позволяют полагать риски работы в королевстве достаточно низкими для арабского мира. В то же время теракты против туристов, а также христианских (около 60 тысяч человек, в основном европейцы) и еврейских (около 6 тысяч человек, при том что по несколько сотен тысяч марокканских евреев живут во Франции и Израиле) общин стали в Марокко обыденной практикой. В случае обострения ситуации в регионе существует высокая вероятность организации с территории королевства терактов в отношении судов, следующих через Гибралтарский пролив или стоящих на рейде в марокканских портах, а также идущего на Иберийский полуостров трубопровода.

Алжирская Народная Демократическая Республика (АНДР) – главная экономика и военная сила Магриба. Несмотря на доходы от экспорта нефти и природного газа

(основные партнеры – США, Канада, страны ЕС и Китай), страна остается одним из основных источников нелегальной эмиграции в Испанию и Францию, а также тыловой базой радикальных исламистов и контролируемых ими террористических группировок, действующих в Европе. Правящий военный режим удерживает ситуацию под контролем, гася протестные движения в начальной стадии. В случае ослабления правящей хунты, конфликта в ее руководстве или отставки правящего страной с 1999 г. президента Абдельазиза Бутефлики высока вероятность возобновления гражданской войны между военно-политической элитой и исламистской оппозицией, унесшей с 1992 г., когда военное руководство не допустило прихода к власти Исламского фронта спасения, несколько сотен тысяч жизней. АКМ (бывшая «Салафитская группа проповеди и джихада») имеет в Алжире прочные позиции, проводя успешные теракты в населенных пунктах, включая крупные города, организуя убийства и похищения ради выкупа иностранных специалистов, нападения на военные гарнизоны и полицейские патрули. После падения режима Каддафи Алжир остался последним светским арабским режимом Северной Африки, ведущим борьбу с исламистами.

Экономика Алжира и его социальная жизнь – результат причудливого смешения местных традиций с французским наследием (страна с 1830 по 1961 год входила в состав Франции). Углеводородный бум, засилье военной и партий-

ной бюрократии, послереволюционные эксперименты социалистического толка, правительственный курс на арабизацию берберов и сопротивление берберов этой политике, а также противостояние с исламистами, тлеющее под покровом «курса на национальное примирение», – дополнительные ингредиенты «алжирского коктейля». Волнения молодежи, инициированные событиями в соседнем Тунисе и Египте весной 2011 г., были подавлены, однако протестный потенциал Алжира очень велик. Помимо исламистов, его базой являются берберы Кабилии (16 % населения по официальной статистике и до трети по неофициальным данным), поддерживаемые живущей во Франции берберской диаспорой. С территории страны АКМ поддерживает исламистов в Марокко, Ливии, Тунисе, Мали и Нигере, а Алжир, по некоторым данным, оказывал негласную поддержку в борьбе с ними Каддафи. Поддержка Алжира борцов за освобождение Западной Сахары – главный фактор, который оставляет это движение «на плаву». На территории Алжира расположены военные базы, поселки беженцев-«сахрави» и лагеря военнопленных, в которых более четверти века размещались захваченные в плен марокканские военнослужащие, лишь недавно освобожденные благодаря международному посредничеству.

Потенциал развития сельского хозяйства Алжира, ослабленного эмиграцией из страны более миллиона французских колонистов и представителей местной элиты после достиже-

ния страной независимости, нефтехимической, горнодобывающей и металлургической промышленности, инфраструктуры, в том числе финансового сектора и особенно туризма, слабо используется из-за напряженной обстановки в сфере безопасности и высокого уровня местной бюрократии. Российский госсектор «унаследовал» эту страну от СССР, но в Алжире уровень конкуренции с западными компаниями высок, а европейские стандарты отечественными корпорациями не выдерживаются. Итогом активизации России на алжирском рынке вооружений и военной техники в начале 2000-х годов стали осложнения в сфере российско-алжирского военно-технического сотрудничества после предъявления руководством Алжира претензий по качеству поставляемой Россией авиатехники и комплектующих. Для Европы важнейшими инфраструктурными объектами Алжира являются морские порты и ведущие с его территории в страны ЕС газопроводы: Магриб – Европа, проходящий по территории Марокко, и Трансмед, идущий на итальянскую Сицилию через Тунис.

Тунисская республика, государственный переворот в которой 14 января 2011 г. открыл «арабскую весну», находится в начале переходного периода. Основу «новой элиты» составили представители истеблишмента, значительная часть которых не принадлежала к кланам, входившим в первые эшелоны власти в эпоху правившего страной с 1987 г. президента Зин эль-Абидина Бен Али, заочно приговоренного

вместе с женой, ливийкой Лейлой Трабелси, к длительным срокам тюремного заключения. Собственность кланов Бен Али и Трабелси конфискована и приватизируется по мере достижения договоренностей по этому поводу между членами действующего руководства страны. Большая часть сотрудников полиции и спецслужб остались без работы. Полиция, в Тунисе более многочисленная, чем армия, нейтрализована. Протесты населения и подавляемые силой волнения в столице продолжаются – ситуацию характеризует распространенная поговорка: «Али-Баба бежал, а сорок разбойников остались». Экономическое положение страны стремительно ухудшается, инвестиции перестали поступать, иностранный туризм свернут. Уровень жизни упал по сравнению с предшествующим периодом, когда Тунис был одной из самых процветающих стран Магриба.

Основой тунисской экономики на протяжении всего периода независимого развития являлось тесное сотрудничество со странами ЕС, в первую очередь Францией. Деколонизация Туниса была проведена без разрыва отношений с метрополией, и он был самой вестернизированной страной Магриба. Высокоразвитое сельское хозяйство, туризм, банковская сфера, медицина и система высшего образования, промышленность – в том числе пищевая и винодельческая, транспортная инфраструктура, включая морские порты и газопровод Трансмед Алжир – Тунис – Италия, представляли интерес для российского бизнеса, несмотря на высокий уро-

вень конкуренции с европейскими, американскими и китайскими компаниями. Однако до полной стабилизации обстановки на территории страны реализация там любых экономических проектов – за исключением краткосрочных операций, рассчитанных на разовую прибыль, чрезвычайно рискованна.

Поток тунисских беженцев в Европу через остров Лампедуза после победы в этой стране демократии составил десятки тысяч человек, усиливая напряженность на юге Италии и ставя под вопрос ее членство в Шенгенской зоне – соседние с Италией страны ЕС и Швейцария перекрыли свои границы для беженцев из Северной Африки. Наличие в стране сотен тысяч образованных молодых безработных, ставших питательной средой для организации волнений, результатом которых стало свержение режима Бен Али, создает резервы эмиграции, которые могут превратить ее в постоянный фактор в отношениях Туниса с Европой. Новые беженцы, общим числом до нескольких сотен тысяч человек, прибывшие на территорию Туниса из охваченной гражданской войной Ливии, значительно осложнили обстановку в стране. Внутренние районы Туниса не контролируются властями и свободны для деятельности боевиков АКМ. Борьба за власть на парламентских выборах окончилась убедительной победой умеренно-исламистской «Ан-Нахды» Рашида Ганнуши, набравшей около 42 % голосов. При всей прочности светских устоев Туниса, заложенных его основателем Хабибом Бур-

гибой, они неизбежно будут размываться политическим исламом. Попытки организации христианских и еврейских погромов на острове Джерба после свержения Бен Али – свидетельство этого, а ликвидация Каддафи в соседней Ливии только ускорила этот процесс.

Ливия – до сентября 2011 г. – Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия или Ливийская республика, как ее назвал Переходный национальный совет, который при поддержке НАТО провел с территории Киренаики успешную борьбу против центральных властей и правившего страной с 1969 г. Муамара Каддафи, после его гибели вступила в вялотекущую фазу гражданской войны. Победившая оппозиция чрезвычайно неоднородна, что крайне затрудняет формирование на ее базе любого устойчивого правительства. В нее входят арабские племена Киренаики – в том числе хараби, к которому принадлежал свергнутый в 1969 г. король Идрис, часть берберских племен, бывшие члены правительства Каддафи, ливийские эмигранты из Европы и исламисты. В состав последних входят приверженцы «Аль-Каиды», создавшие Исламский эмират в городе Дерна, «Аль-Каида Магриба» в Феццане и суфии-сенуситы в Бенгази. Все эти группы находятся между собой в сложных отношениях, тем более что после победы над сторонниками Каддафи салафиты вступили в прямое столкновение с суфиями и племенными традиционалистами.

Ливийская ситуация продемонстрировала противоречия

в мировом сообществе и неоднородность его интересов. Спровоцировав конфликт НАТО и Ливии и уговорив Саркози начать военную операцию, Лига арабских государств инициировала резолюцию Совета Безопасности ООН, на основании которой действующая против Каддафи коалиция начала военную операцию. Поводом для начала войны с Ливией для ЛАГ оказались личная неприязнь большинства арабских лидеров к Каддафи и прямая экономическая конкуренция с ним в Африке Катара и Саудовской Аравии. Для Франции вступление в войну оказалось возможным из-за разногласий с Ливией по цене истребителей «Рафаль», возможности потери ливийского рынка атомной энергетики корпорацией «Арева» и штрафа, наложенного на нефтедобывающую компанию «Тоталь», а также осложнений в личных и финансовых отношениях Саркози и Каддафи, обещавших громкий коррупционный скандал. Для Турции – из-за конкуренции с Ливией в Африке и желания Анкары поставить на место Саркози за его противодействие вступлению Турции в ЕС, подчинив операции коалиции блоку НАТО, в котором роль Анкары достаточно велика в отличие от лоббируемого Парижем «Средиземноморского Союза». Для США достаточными аргументами стали недопустимость превращения Саркози, вернувшего Францию в военную структуру НАТО после десятилетий отсутствия ее там со времени исторического решения де Голля, в лидера военной операции блока. Для Великобритании – критика правительства за соглашение об

освобождении в 2009 г. приговоренного в 2001 г. к пожизненному заключению за организацию теракта над шотландским городом Локерби «смертельно больного» ливийца Абдель Бассета Али аль-Меграхи, который немедленно вылетел по прибытии в Ливию, после чего британские нефтяные и газовые компании получили там выгодные контракты.

Китай, Россия, Индия и Германия воздержались при осуждении ливийской ситуации в ООН, заняв в этой ситуации единственно возможную позицию. Иллюзии по поводу быстрого свержения Каддафи после ухода со своих постов тунисского и египетского президентов были в рядах его противников настолько велики, что операция против Триполи началась бы даже в случае использования Россией или КНР права вето в Совете Безопасности ООН, как это произошло в свое время в отношении Ирака. Столкновение России с Западом, главным рынком сбыта отечественной нефти и газа, из-за Ливии не привело бы ни к чему, кроме ослабления ООН – забюрократизированной, затратной и малоуспешной в своих действиях. Альтернативой было повторение модели поведения СССР в ходе ближневосточных кризисов XX века: отправка вооружений противостоящему Западу режиму без понимания того, зачем это делается, помимо идеологических, ведомственных или личных интересов. Именно это, судя по всему, лоббировалось российским послом в Триполи – столь активно, что он был отправлен в отставку.

Отличие ливийского сценария «арабской весны» от еги-

петского и тунисского в том, что Каддафи продемонстрировал качества революционера и лидера, достойные младшего соратника Насера, Кастро и Манделы. Отказ от опоры на армию и спецслужбы в пользу иностранных профессионалов и спецподразделений, прямо подчиненных его ближайшим родственникам, оправдал себя так же, как ставка на партизанскую войну и рассредоточение верных ему частей, переведенных с тяжелой техники на джипы, по пустыне. Африканский союз, главой которого он был до 1 января 2011 г., оказался для него неплохим тылом в первую очередь из-за того, что существование значительного числа режимов, входящих в эту организацию (не менее двадцати), прямо зависело от финансовой помощи с его стороны. Судьба Ливии после Каддафи пока неясна – страна может расколоться. Однако ливийская кампания продемонстрировала ослабление НАТО как военного альянса. Ситуация, при которой многомесячные военные действия против ливийского режима быстро исчерпали ресурсы дорогостоящих высокоточных боеприпасов, которыми ведущие войну страны коалиции вынуждена была начать снабжать нейтральная Германия, перевела альянс в глазах африканских и ближневосточных режимов в категорию «хромой утки». Альянс фактически выступил в качестве «мирового жандарма», что не внушает оптимизма, в том числе в отношении ООН, резолюция которой была использована для оправдания прямой агрессии, так как слабость западного военного блока открыла «се-

зон охоты» на государства, являющиеся членами НАТО, для всех, желающих попробовать его «на прочность». Нерадостная перспектива, хотя и заманчивая для террористических структур – не только исламистских.

В случае Ливии негативный эффект от вмешательства НАТО во внутренний конфликт в этой стране состоит еще и в том, что Каддафи, примирившись с мировым сообществом в начале 2000-х годов, вел себя «конвенционально», демонстрируя пример «раскаявшегося диктатора». Он отказался от атомной программы, попутно способствуя разоблачению «заговора Абдул Кадыр Хана», пропущенного МАГАТЭ. Предоставил ООН сведения о своем химическом оружии и начал процесс его уничтожения. Взял на себя борьбу с нелегальной иммиграцией африканцев в Европу через территорию Ливии. Начал экспорт нефти и природного газа в ЕС. Допустил иностранные компании к участию в ливийских проектах, в том числе в военно-технической сфере. Отпустил на свободу болгарских медсестер и палестинского врача, заключенных в тюрьме по сфальсифицированному обвинению в умышленном заражении ВИЧ ливийских детей. Наладил личные отношения с большинством мировых лидеров. Боролся с «Аль-Каидой», черпавшей в Ливии пополнения для джихада в Афганистане и Ираке. Остановил финансирование международного терроризма. Он оставался импульсивным и непредсказуемым тираном, но это мало отличало его от большинства лидеров Африки и БСВ. При-

мер Каддафи показал, что пытаться перестать быть «плохим парнем» в глазах мирового сообщества так же бессмысленно, как быть в его глазах «хорошим парнем», какими были на протяжении десятилетий Бен Али в Тунисе и Мубарак в Египте.

Ливийская экономика в результате гражданской войны и ареста, наложенного на ливийские авуары в странах Запада, арабского мира и некоторых государствах Африки, оказалась парализованной. Нефтедобыча и нефтеэкспорт сократились до минимума, сельское хозяйство и промышленность понесли значительный ущерб. Существует опасность подрыва идущего на Сицилию ливийско-итальянского газопровода Гринстрим. Значительная часть аэропортов и автодорог разрушена. Российские контракты, в том числе в военно-технической сфере и строительстве железных дорог, заключенные с Ливией в обмен на списание ливийского долга, не выполнены и принесли прямые и косвенные убытки в размере около \$ 4 млрд, половина которых пришлась на ОАО «Российские железные дороги». Перспективы возвращения Ливии в международную экономику существуют, но сотрудничество российских компаний с этой страной маловероятно, а перспективы компенсации им убытков равны нулю.

Глава 3

Республики и президенты

Большая часть государств региона – республики, точнее то, что принято называть республиками на Ближнем и Среднем Востоке. Говоря упрощенно – их можно разделить на три типа. Две неисламские вестернизированные страны на западной окраине БСВ – Израиль и Кипр, мало чем отличаются от стран Европы, хотя определенная специфика в их государственном устройстве все же существует. Подавляющей частью региона управляют сменяющие одна другую военные хунты, коррумпированные и недолговечные гражданские правительства, удерживающиеся на протяжении десятилетий во главе своих стран авторитарные лидеры и диктаторы, мало что решающие на деле «правлящие партии», а также племенная и конфессиональная элита во главе парламентских фракций и коалиций, представляющих собой «террариум единомышленников». Особой формой государственного устройства БСВ являются исламские республики: Мавритания, Иран, Афганистан и Пакистан. При этом такие геополитические единицы Ближнего и Среднего Востока, как Ирак, Афганистан, Судан, Сомали, Йемен, Ливия, Ливан и палестинские территории, находятся в процессе распада, пройдя оккупацию и гражданскую войну либо находясь в преддверии гражданской войны.

Бывший с 1878 по 1960 год британской колонией Кипр, северная часть которого оккупирована Турцией, с 2004 г. входит в состав ЕС, и его политическая система соответствует принятым в Евросоюзе стандартам. Специфическими ее чертами, восходящими к этноконфессиональному устройству государства, закрепленному в период получения независимости, являются доминирование греческой православной церкви, резервирование мест в парламенте для армян, католиков и маронитов и не используемые с момента раздела острова квоты для турок-киприотов во всех властных структурах Республики Кипр, а также отдельные суды для греков и турок. Близкие законодательные меры по защите прав и представительству этноконфессиональных меньшинств являются специфической особенностью ряда стран Леванта, главными из которых являются Израиль и Ливан. Руководящие органы образованной в 1983 г. Турецкой республики Северного Кипра формируются на основе выборов, также соответствующих стандартам ЕС. Характерно, что раздел острова был вызван действиями греческой стороны, с 1963 г. спровоцировавшей нарушение соглашений о представительстве турецкой общины и организовавшей ее экономическую и политическую изоляцию, а в 1974 г. попытавшейся после свержения правительства архиепископа Макариоса присоединить Кипр к Греции. Ввод турецких войск на Кипр был осуществлен в соответствии с условиями предоставления ему независимости – Турция действовала как гарант без-

опасности турецкой общины. Вопрос прекращения турецкой оккупации является постоянно действующим политическим фактором для греческого Кипра. На референдуме ООН 2004 г. об объединении острова 65 % участвовавших в референдуме турок-киприотов поддержали план объединения, выдвинутый генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, а 75 % греков-киприотов его отвергли. Тем не менее, международное давление испытывает на себе исключительно турецкая часть Кипра. Двойные стандарты для мирового сообщества – не исключение, а правило, и проблема Кипра демонстрирует это не менее ярко, чем Югославия или Израиль.

Израиль, изначально созданный как еврейское демократическое государство, сохранил в действии турецкое и британское законодательства, касающиеся общинного судопроизводства. Арабы-мусульмане, арабы-христиане, представители других христианских общин, черкесы, друзы, бедуины и самаритяне пользуются равными избирательными правами с евреями, их депутаты представлены в парламенте, в том числе арабское население – тремя собственными партиями (исламисты, коммунисты и националисты). Арабы-мусульмане освобождены от призыва в армию (некоторые проходят военную или альтернативную службу добровольцами). Христиане, бедуины и евреи-ортодоксы служат на добровольной основе, представители остальных категорий населения – по призыву. Изначально израильские партии были созда-

ны в Восточной Европе, и особенности их функционирования восходят к восточноевропейской политической практике конца XIX – начала XX века. В Израиле число их пополнилось секторальными партиями, защищающими интересы отдельных общин или групп, сформированных по тому или иному принципу: восточных традиционалистов, пенсионеров, антиклерикалов, поселенцев, левого истеблишмента, ультралевых интеллектуалов, etc. Большое число партий формируется вокруг политических лидеров и исчезает немедленно после их ухода с политической сцены. Многие мелкие партии не проходят электоральный барьер. Характерной чертой израильской демократии является значительное число фракций в парламенте – Кнессете, низкий уровень партийной дисциплины, ставшие практикой правительственные кризисы и следующие за ними досрочные парламентские выборы, а также политические скандалы на высшем уровне, включая отставку президентов страны. Постоянно действующим фактором внутренней и внешней политики являются отношения с палестинским населением территорий, взятых Израилем под контроль после победы в войне 1967 г.

Политическая система Израиля практически исключает возможность военных путчей, переворотов, прихода к власти военной хунты или самого ее формирования. Риск политических убийств минимизирован: один прецедент в догосударственный период (убийство Арлозорова) и один – на про-

тяжении всей истории государства (убийство Рабина) позволяют это утверждать. Период доминирования левых социалистических и коммунистических партий в парламенте и правительстве продлился с 1948 по 1977 год. На протяжении всего последующего периода левый лагерь терял позиции в пользу правого. Неустойчивый баланс между крупными политическими блоками использовали, особенно в период прямых выборов премьер-министра в конце 90-х годов, мелкие партии, поддерживающие ту или иную из крупных фракций при формировании правящей коалиции в собственных интересах. Арабские партии поддерживали левый лагерь «снаружи», не входя в правительство. Политическая ниша левого лагеря в настоящее время в результате политической борьбы начала 2000-х годов занята выходцами из правого лагеря, потерпевшими поражение во внутрипартийной борьбе. Собственно левые партии сходят с политической арены и маргинализируются. Усиление правого лагеря в настоящее время привело к его абсолютному доминированию в парламенте и формированию правоцентристской коалиции. В то же время левые круги сохраняют значительное влияние в университетах, прессе и доминируют в юридической системе, в частности в прокуратуре и влиятельном судебном корпусе. Исключительно высокий уровень политической активности таких институтов, как Высший суд справедливости – БАГАЦ, и таких чиновников, как юридический советник правительства и государственный контролер, которые часто принимают ре-

шения, парализующие работу правительства и законодательную деятельность парламента, в 1990—2000-е годы вызвал характерные для Израиля дискуссии на тему «Кто контролирует государственного контролера?».

Характерно, что, в то время как в арабском мире, в том числе соседних с Израилем странах, в рамках «арабской весны» рушились правящие режимы и шли уличные столкновения с армией и полицией, волнений в арабском секторе Израиля и на территориях не происходило. Организованные левыми партиями протесты имели ограниченный ненасильственный характер, сопровождаясь экономическими требованиями – как и в Европе. Тесные отношения Израиля с США и странами ЕС позволяют предположить дальнейшую вестернизацию системы правления, принятой в этой стране, – точнее, ее американизацию. Усиление давления на Израиль со стороны ООН и левого международного истеблишмента по вопросам его отношений с палестинцами, при явной недоговороспособности руководства ПНА, провоцирует усиление еврейского характера государства, хотя уровень демократических прав меньшинств в нем по-прежнему соответствует европейским, а не ближневосточным нормам. Развязанная против Израиля в этой связи международная кампания по обвинению в расизме имеет мало общего с действительностью – речь идет лишь о введении в Израиле стандартных правил защиты государства и его противодействии проявлениям анархии и антигосударственной деятельности

граждан страны.

Перечисленные ниже особенности республиканских режимов исламских стран БСВ заставляют усомниться в известной максиме Уинстона Черчилля по поводу того, что демократия при всех ее недостатках – лучшее из известных человечеству государственных устройств. Разумеется, можно списать происходящее в этой части света на «неготовность» исламского мира к демократии, как это часто делают его критики, не понимая той простой истины, что демократия – не более чем способ голосования, но никак не панацея от болезней общества. Ее несомненными плюсами являются механизмы получения и передачи элитой властных полномочий. Первый оставляет электорат в приятном заблуждении по поводу своей значимости – баранов все равно стригут, а иногда и употребляют на шашлык, но с сохранением у них самоуважения и оптимизма в отношении будущего. Второй позволяет покинуть властные пенаты в заранее установленный срок живым, сохраняя привилегии и перспективу синекуры с возможностью вернуться во властные институты на другой (Ширак, Путин) или, спустя определенное время, тот же самый (Черчилль, Бен-Гурион и опять-таки Путин) пост. Разумеется, существует риск импичмента, однако и в этом редком случае отрешение носителя высшей власти от полномочий не сопровождается его встречей с гильотиной или расстрельной командой.

Демократия, однако, отнюдь не гарантирует прихода к

власти честных, справедливых и порядочных людей да и не ставит перед собой такой задачи. Отсутствие социального равенства, кумовство, популизм, некомпетентность и коррупция – неотъемлемая часть демократии. Все то, что служит предметом критики в других устройствах государства и общества, присутствует и в демократических республиках, но в завуалированном виде и более привлекательной упаковке. Ближневосточная демократия и ближневосточные республики, при всем формальном сходстве властных институций и их наименований с республиками западными, несут на себе отпечаток того общества и тех общественных отношений, которые сложились в регионе в результате его исторического развития. Именно поэтому республиканские режимы БСВ столь часто напоминают имитацию того, что называется республикой в современном вестернизированном мире. Трайбализм, правящие на протяжении десятилетий авторитарные лидеры и диктаторы, религиозный фактор – в его современном политико-исламистском варианте, притеснения меньшинств и, за редкими исключениями, ограничения в правах женщин – такие же характерные черты местных республик, как соблюдение прав человека и особенно – прав меньшинств на Западе.

История политических систем, доминирующих в западном мире, насчитывает два с половиной тысячелетия развития. В основу этих систем легли греческие полисы и римская республика, античная риторика и философия, римское

право и законы варварских королевств, христианская мораль и этика, конкуренция церкви и государства, бюргерское право и аристократические кодексы поведения. Западную демократию взрастили права цехов и городов, непрерывно действующие на протяжении столетий парламенты, профсоюзы и религиозные автономии, протестантская этика и секуляризм, феминизм и права сексуальных меньшинств, и много что еще. Равно как – религиозные войны, преследования инакомыслящих, погромы, две мировые войны, национализм, фашизм и этнические чистки, включая еврейский Холокост. И – время, сотни и тысячи лет развития базовых институтов. Демократические институты на современном Ближнем и Среднем Востоке или пытаются втиснуть местные традиции сдержек и противовесов в прокрустово ложе копируемых извне институтов, или игнорировать, ослабить и даже уничтожить эти традиции. В первом случае теоретически идентичные принятым в современном мире формам государственного устройства структуры стран БСВ представляют собой на деле традиционные общественные институты в новом обличье. Во втором эти институты на какое-то время переходят в подполье, а затем постепенно «прорастают» во власть или полностью подчиняют ее себе. Именно так поступила правящая ПСР в Турции. Альтернатива – взрывное изменение характера власти, что и произошло в ходе Исламской революции 1979 г. в Иране. После чего начинается новый цикл эволюции государственного

устройства, как правило, на основе исламских норм и местных обычаев.

«Арабская весна» оказалась неожиданностью для европейских и американских политиков, политологов и журналистов. Первоначальная растерянность сменилась рекомендациями лидерам стран, охваченных волнениями, не подавлять протестные выступления силой, не ограничивать свободу доступа к информации, не пресекать «демократизации» правящих режимов, прислушаться к голосу масс и прочими типовыми советами, чрезвычайно полезными для всех к ним причастных, кроме тех, кому они были адресованы. Популистская демократическая риторика западных лидеров, не понимающих, что именно происходит в регионе, и не способных повлиять на эти события, но искренне уверенных в обратном, была вскоре дополнена действиями. Арест счетов и отказ в приеме свергнутых президентов, прямая военная и финансовая поддержка антиправительственных выступлений в Ливии и косвенная в Сирии резко контрастировали с демонстративным молчанием в отношении подавления интервенционным корпусом США и ООН шиитских волнений на Бахрейне и чрезвычайно осторожными комментариями в отношении ситуации в Йемене. Беспочвенные надежды на то, что главное, чего хотят протестующие в арабских странах, – это установление там демократии западного типа, как лучшего из известных государственных устройств, говорят не столько о реальной ситуации в арабском мире, сколь-

ко о профессиональном и интеллектуальном уровне западных экспертов. Возможно, сказалась своеобразная «классовая солидарность»: чем более образованно и информированно на БСВ местное население, тем менее оно лояльно правящему режиму. Это общее правило в полной мере сыграло свою роль в 2011 г. в рамках «арабской весны».

Между тем верхушечные перевороты в Тунисе и Египте, в ходе которых верховные правители были свергнуты недовольной ими частью элиты, которая использовала в своих целях протестовавшую против бюрократии и коррупции «твиттерную молодежь», люмпенизированные слои общества и консервативных мусульман, открыли дорогу к власти исламистам, а не демократам западного типа. Ситуация в Ливии и тем более Сирии также имела мало отношения к демократии: правящая власть в этих странах может быть жесткой – или никакой. Разумеется, подавление волнений присущими местным режимам методами невозможно без жертв – тем меньших, чем быстрее эти волнения подавляются. Однако падение режимов вызывает неизмеримо большее число жертв и почти неизбежный распад не устоявших перед сочетанием внешнего и внутреннего давления государств, без малейшего шанса на демократические изменения в том виде, которое в это понятие вкладывает Запад.

Ни Афганистан, ни Ирак так и не стали уроками для Вашингтона и Брюсселя. Впрочем, современная политическая элита Запада не извлекает уроков даже из собственной ис-

тории. Простое понимание того, что Сократ в Афинах был отравлен по итогам демократического голосования и Гитлер в Германии пришел к власти демократическим путем, отсутствует у тех, для кого «право народа свергнуть тирана» является догмой, равноценной Святому Писанию. Как правило, на современном БСВ те, кто свергает авторитарных лидеров, служат инструментом для прихода к власти диктаторов не лучших, чем те, кто отрешен от власти. Вариант – военная хунта с большим или меньшим влиянием племенной элиты или исламская бюрократия. Последняя во многом напоминает социалистические авторитарные режимы XX века. Разница между Коминтерном и «Аль-Каидой», нацистами и партией БААС, большевиками и «Братьями-мусульманами», советским Политбюро и иранским Советом по целесообразности гораздо меньше, чем представляется на первый взгляд. Тем более что у истоков многих политических партий, идеологических доктрин и средств массовой информации исламского и в первую очередь арабского мира стояли беженцы из Третьего рейха или советники из СССР – а иногда и те, и другие. Что, вместе с местными традициями, сформировало в регионе гремучую смесь, уцелеть в которой западный либерализм не имел ни малейших шансов. Термин «исламофашизм» в отношении Ближнего и Среднего Востока возник не случайно. История переворотов, путчей и диктатур в местных «республиках», напоминающая смену хунт в странах Латинской Америки с таким же, как и на БСВ, влия-

ниями левых и национал-социалистических идей, но без доминирующего в ближневосточном обществе ислама, говорит сама за себя.

Мавритания с ее двухпалатным парламентом получила независимость в 1960 г., став исламской республикой. 17 лет правления ее первого лидера окончились серией военных переворотов – в 1978, 1979, 1984 годах. Затем страна прошла сравнительно стабильный период правления полковника ульд Тайи на протяжении 21 года и перевороты в 2007 и 2008 годах.

Алжир ликвидировал французское владычество в 1962 г. и оказался под контролем Фронта национального освобождения и Ахмеда Бен Беллы, которого в 1965 г. сверг Хуари Бумедьен с его однопартийной системой и ориентацией на социализм. После смерти Бумедьена в 1979 г. страну возглавил Шадли Бенджедид, правивший до 1991 г., когда армия отстранила его от власти. Военное положение и отмена результатов выборов, в итоге которых власть должна была перейти в руки исламистов, привели к гражданской войне 1992–1999 годов, окончившейся с приходом на президентский пост Абдельазиза Бутефлики. Итогом стало хрупкое перемирие, введение многопартийной системы и работающий парламент – но с 2008 г. количество президентских сроков не ограничено, а гражданская война может вспыхнуть в любой момент.

Тунис получил независимость в 1956 г. под руководством

Хабиба Бургибы – пожизненного президента, который ввел многопартийность, учредил парламент, светские суды, отменил многоженство, – и был смещен в 1987 г. Зин эль-Абидином Бен Али. С 2002 г. возрастной ценз кандидата в президенты и число сроков его правления были отменены, но 14 января 2011 г. президент бежал из страны, а политическая ситуация в Тунисе балансирует на грани хаоса. Пока что исламисты стали лидирующей политической силой в парламенте.

В Египте монархия была свергнута в 1952 г., и с 1953 г. страна стала республикой во главе с президентом Мохаммедом Нагибом, которого в 1954 г. сменил Гамаль Абдель Насер, с 1958 по 1961 г. руководивший Объединенной Арабской Республикой (ОАР), в состав которой помимо Египта входила Сирия. Смерть Насера в 1970 г. привела к власти Анвара Садата, а убийство Садата в 1981 г. – Хосни Мубарака, занимавшего президентский пост вплоть до отставки 11 февраля 2011 г., после которой он был отдан под суд Высшим военным советом. Завоевание парламентским путем власти в Египте является основной целью исламистов всего арабского мира, от «Братьев-мусульман» до «Аль-Каиды», и эти печальные для будущего страны перспективы достаточно реальны.

Первым президентом Сирии, независимой с 1946 г., был Шукри аль-Куатли, правительство которого было свергнуто военными в 1949 г. За следующие два десятка лет Си-

рия пережила 22 военных переворота. В 1970 г. власть взяла Партия арабского социалистического возрождения (БААС) во главе с Хафезом аль-Асадом, правившим до своей смерти в 2000 г., после чего президентом стал его сын Башар аль-Асад, ради чего пришлось менять национальное законодательство. Сирийский президент де-факто контролирует судебную, законодательную (Меджлис аш-Шааб) и исполнительную власть. Массовые антипрезидентские волнения 2011 г. заставили его, параллельно с их подавлением, предложить реформы. Однако обновление власти запоздало, действия по подавлению антиправительственных выступлений сочетали жестокость и неуверенность, а внешняя антиасадовская коалиция включила страны Запада, Турцию, Саудовскую Аравию, Катар и другие страны ССАГПЗ. На период написания данной книги правительство в Дамаске еще удерживало власть, однако страна балансировала на грани смещения режима и вероятного после этого распада на отдельные этноконфессиональные анклавы.

Эритрея – республика, президент которой теоретически должен избираться парламентом на 5 лет, на практике с 1993 г. управляется Исайасом Афеворки, который правил ею без выборов и прочих формальностей во главе единственной в стране легальной партии – Народного фронта за демократию и справедливость. Правда, в 1997 г. в рамках развития республиканских институтов были назначены 150 депутатов эритрейской Национальной ассамблеи. В 2002 г. в ходе

регистрации религиозных объединений официальный статус в государстве получили мусульмане, приверженцы римско-католической, эритрейской православной и евангелической (лютеранской) церквей. Все прочие общины оказались вне закона – особенно не повезло пятидесятникам и свидетелям Иеговы, которых преследуют и население, и власти.

Джибути – президентская республика с 1977 г., единственной партией в которой с 1981 г. является Народное объединение за прогресс. Политическая жизнь в стране определяется борьбой за власть племен афаров и исса.

Турция – первое государство БСВ, где в 1923 г. республика, во главе которой встал генерал Мустафа Кемаль (Ататюрк), сменила монархию, на протяжении 80 лет управлялось коррумпированными гражданскими правительствами и военными, регулярно совершавшими государственные перевороты, в том числе в 80–90-х годах. В 2003 г. к власти пришла Партия справедливости и развития, ограничившая всевластие армии. Открытая дискриминация национальных (в первую очередь курдов) и религиозных меньшинств в этой стране сочетается с реально работающим парламентом – Великим национальным собранием Турции, действенной судебной системой и активными средствами массовой информации. При этом продвижение к демократии в турецком варианте означает сворачивание секуляризма, постепенную – «мягкую» исламизацию и рост великодержавных настроений в элите и обществе. Реставрация роли ислама на государ-

ственном уровне означает постепенное возвращение этой страны к роли лидера суннитского мира, которым она была в период Османской империи, когда турецкие султаны занимали место и исполняли функции повелителя правоверных – Халифа. Только такой сценарий может объяснить деятельность на внешнеполитической арене турецкого премьер-министра Реджепа Тайиба Эрдогана, демонстрирующего амбиции, не сопоставимые с реальной ролью Турции не только в регионе, но и на мировом уровне.

В наиболее эффективной демократии БСВ – существующей с 1979 г. Исламской республике Иран, на деле осуществлено разделение ветвей власти, функционирует эффективный и активный парламент – Меджлис, в котором закреплены квоты для «единобожников»-зимми, признается существование национальных меньшинств, действует многопартийная система, пресса жестко критикует правительство, активна системная и внесистемная оппозиция. Иран во многом напоминает СССР времен застоя, партийная система которого доминировала над государственным аппаратом, с поправкой на то, что верховная власть в этой стране сосредоточена в руках теократии, а не КПСС. Государственнообразующая роль шиитского ислама законодательно закреплена. Другие группы, исповедующие эту религию, – не только представители шиитских «еретиков», но и ортодоксальные сунниты, находятся под жестким давлением. Страну возглавляет второй за ее историю Рахбар – Верховный руково-

дитель, Али Хоменеи, в 1989 г. сменивший правившего с 1979 г. Аятоллу Хомейни, после смерти основателя Исламской республики. Несмотря на полномочия, сосредоточенные в его руках, он избирается и может быть отрешен от должности. Обычной для Ирана ситуацией являются разногласия Рахбара с переизбираемыми президентами страны, которые, как правило, разрешаются в пользу Верховного руководителя, хотя отдельные исключения имеют место.

Такие специфически иранские институты, как Наблюдательный Совет, Совет экспертов, Ассамблея по определению целесообразности принимаемых решений и созданная в 2011 г. вследствие возросших до критического уровня противоречий между членами верховного руководства страны Высшая комиссия разрешения противоречий и урегулирования отношений между тремя ветвями власти, осуществляют координацию государственной машины. Сложная система сдержек и противовесов, помимо прочего, отсекает конкурентов правящей элиты на ранней стадии избирательного процесса и выводит оппозицию за рамки правового поля. Возможность военного путча пресекается Корпусом стражей исламской революции, причем отношения между иранскими силовиками напоминают отношения армии и НКВД в Советском Союзе времен Иосифа Сталина.

По мере того как изживает себя забюрократизировавшаяся и коррумпированная теократическая система, нарастает влияние конкурирующего с ней руководства КСИР. Эта

группа, занимая высшие посты в провинции и органах исполнительной власти, объединилась вокруг президента Махмуда Ахмади Нежада. Именно она продвигает стратегию превращения Ирана из постреволюционной страны в националистическую персидскую империю, поддерживая эскалацию напряженности вокруг внешнеполитической деятельности Ирана и развивая ядерную программу этой страны. Группы политической элиты, оттесненные на обочину этого процесса, образовали протестное «Зеленое движение», активное, но не имеющее шансов на реальный контроль над властью. Эволюция иранской политической системы постепенно уменьшает объем властных полномочий, сосредоточенных в руках престарелых аятолл, увеличивая влияние не вестернизированных технократов, как на это надеялся Запад, но выходцев из спецслужб, склонных к силовому разрешению любых возникающих перед Исламской республикой проблем.

Наконец, созданная в 1947 г. Исламская республика Пакистан с ее двухпалатным парламентом, влиятельным судебским корпусом, состоящим из Верховного суда и Федерального шариатского суда, активными независимыми средствами массовой информации, многопартийностью, бурной политической жизнью и традиционно сложными отношениями между премьер-министром и президентом демонстрирует результаты быстрой радикальной исламизации изначально светской либеральной общественной системы. Эта систе-

ма, противостоящая религиозному индуистскому фанатизму, которую создавал в 40-х годах лидер Мусульманской лиги Мухаммед Али Джинна, превратилась, в особенности в годы правления генерала Зия уль Хака, в свою противоположность. Радикальные исламисты взяли под контроль большую часть районов, пограничных с Афганистаном, их позиции сильны в Кашмире, и влияние растет в центральных провинциях страны.

Лишение статуса мусульман секты ахмадийя, непрерывные теракты против христиан и шиитов, притеснение конфессиональных меньшинств – усиливающиеся тенденции в политической жизни Пакистана, сочетающиеся с функционированием демократических институтов, заложенных в период британского правления. Характерные для Пакистана военные перевороты, последний из которых в 1999 г. привел к власти генерала Первеза Мушаррафа, ушедшего в отставку в 2008 г., демонстрируют роль армии в системе государственной власти, близкую к кемалистской Турции или Алжиру. При этом военные руководители Пакистана, в отличие от гражданских, не формировали и не пытались формировать династий, как правящие в Сирии Асады. Гражданские правительства Пакистана – слабые и коррумпированные, на протяжении десятилетий демонстрируют, что такое имитационная ближневосточная демократия, удовлетворительная по форме и недееспособная по существу.

Информация к размышлению

От Та-Кемт до Пунта

В ведущей стране арабского мира, Арабской республике Египет, древней Та-Кемт, отстранение от власти 11 февраля 2011 г. президента, Хосни Мубарака, правившего с 1981 г., и суд над ним и его близкими шли параллельно с чистками в высших эшелонах власти. Приближенные экс-президента были изгнаны с высших государственных постов и преданы суду по обвинению в коррупции, превышении должностных полномочий и других преступлениях. Правящая хунта, ядром которой является консервативное крыло генералитета, сохраняя отношения с США, военная и экономическая помощь которых является основой стабильности в стране, охлаждает отношения с Израилем, налаживает диалог с Ираном, движением ХАМАС и «Братьями-мусульманами». Характерными приметами «нового» Египта стали силовое подавление армией выступлений женщин, христиан-коптов и других групп, пытавшихся развить «финиковую революцию». Свидетельством того, куда дрейфует египетская политика, стало замораживание поставок в Израиль природного газа с требованием пересмотра цены его поставок. Многократные подрывы египетско-израильского газопровода на Синае, включая ветку, ведущую в Иорданию, а также разгром израильского посольства в Каире являются свидетель-

ствами слабости режима и стремительного усиления в Египте радикальных исламистов.

Беспорядки на Синайском полуострове, в том числе на границе с Израилем и ведущем в Газу контрольно-пропускном пункте «Рафиях», а также резкое увеличение числа африканских нелегалов, проникающих в Израиль через египетскую границу, стали следствием потери Каиром контроля над Синаем, оказавшимся в руках местных бедуинов, иранской резидентуры и «Аль-Каиды». Ввод на Синайский полуостров египетских частей под предлогом обеспечения там военного контроля после успешных антиизраильских терактов под Эйлатом опасен перспективой прямого военного столкновения Египта и Израиля в случае принятия египетским парламентом решения о денонсации кемп-дэвидского мирного договора. Вопреки прогнозам экспертов, консервативные исламисты Египта вступили в предвыборный альянс с «Братьями-мусульманами», поставив целью на первом этапе завоевание половины голосов в парламенте страны. Активная исламистская пропаганда в армии и агрессивные требования введения в стране шариата дают все основания предполагать, что прогнозы лидера «Братьев», шейха Юсефа Кардауи, о неизбежном альянсе армии и исламистов имеют под собой все основания. В Египте действуют радикалы всех типов, в том числе Нацистская партия – наследница сочувствовавшей Гитлеру интеллектуальной и политической элиты, в 30–40-е годы включавшей многих будущих представи-

телей высших эшелонов власти, в том числе Насера и Садата.

Экономика страны перенапряжена, туристический сектор в коллапсе, инвестиции остановлены, финансовая система буксует, промышленность и сельское хозяйство понесли громадные потери. Поток беженцев через ливийскую границу в основном состоит из египтян, потерявших в Ливии работу, и африканских рабочих, жизни которых в Ливии угрожает опасность, так как местное население ведет за ними охоту как за «наемниками Каддафи». Наличие среди них активистов «Аль-Каиды», прекращение работы контртеррористических структур, возглавляемых бывшим вице-президентом генералом Омаром Сулейманом, десятки тысяч уголовников и террористов, отпущенных из египетских тюрем на свободу как «борцов с режимом», – значительная угроза для будущего страны. Это продемонстрировали попытки исламистов захватить порты, в том числе Эль-Ариш. Особенно велика угроза для египетских христиан, составляющих 8–9 % населения по официальной статистике и 15–18 % по неофициальным данным. Перспективы работы в Египте иностранных специалистов и фирм, включая российские, до установления там стабильности невелики. Единственной сферой хозяйства, где после свержения режима Мубарака был отмечен прирост, стал транзит судов через Суэцкий канал, что недостаточно, чтобы «вытащить» из кризиса остальную экономику, тем более что существует опасность удара исламистских террористов по судам, идущим по этой артерии.

«Хорошей новостью» для мирового сообщества является сравнительно низкая вероятность войны Египта с Израилем, несмотря на поддержку новым руководством страны движения ХАМАС в Газе, поскольку руководство АРЕ понимает, что в случае конфликта египетская армия может быть уничтожена на Синае. В то же время пересмотр или разрыв действующего с 1979 г. израильско-египетского мирного договора по требованию исламистского лобби, позиции которого в египетском парламенте при любом раскладе будут очень сильны, неизбежен. Нарастание демографического давления, снижение уровня жизни, экономический кризис и ожидаемая в близком будущем экологическая катастрофа с необратимыми последствиями – итог водного голода, который ожидает страну через 5–10 лет, могут поставить АРЕ на грань выживания. Подписание шестью странами верховьев Нила 1 марта 2011 г. договора о перераспределении стока этой реки, превратило в клочок бумаги Соглашение по Нилу, заключенное Египтом и Суданом в 1959 г. Гидроузлы на истоках Нила необходимы странам Центральной Африки, включая Эфиопию, для нормализации их энергетического баланса. Гидроэлектростанции, водохранилища и плотины, которые будут ими построены в ближайшие годы, смертельно опасны для будущего АРЕ, но ослабленный внутренней смутой Каир ничего не может им противопоставить. Дополнительной проблемой Египта является территориальный спор с Суданом из-за пограничного треугольника Халаиб,

хотя этот конфликт пока находится в пассивной фазе из-за проблем, которые испытывает сам Судан.

Судан, распавшийся на два государства согласно результатам прошедшего в январе референдума о самоопределении Южного Судана, итоги которого подняли вопрос о пересмотре постколониальных границ по всей Африке, возвращается в состояние гражданской войны между правительством и сепаратистами Дарфура, Кордофана и других регионов. Боевики контролируют лагеря беженцев, число которых в Судане насчитывает миллионы. Конфликт из-за нефтеносных районов провинции Абьей оживил противостояние Хартума и южносуданской Джубы. Свою роль в эскалации напряженности играют межплеменные и внутриплеменные конфликты между нуэр, динка, загава, миссерия, массалит, фур и другими группами, часть которых разделена на враждующие кланы. Проблема раздела доходов от экспорта нефти между центром и местными элитами еще может быть решена по аналогии с соглашением правительства и лидеров Юга, но наступление Сахары, обостряющее противостояние кочевнико-скотоводов с оседлыми земледельцами, не имеет решения в принципе.

В связи с гражданской войной в Ливии миротворческая деятельность Триполи в Судане заморожена при сохранении политической активности там Катара, США и Франции и экономической – Китая, главного инвестора и оператора нефтедобычи и нефтеэкспорта. Перспективы развития сель-

ского хозяйства, промышленности – пищевой и легкой, инфраструктуры, главными объектами которой является Порт-Судан на Красном море и идущий к нему нефтепровод, зависят от инвестиций КНР. Россия не имеет в Судане и Республике Южный Судан выраженных экономических интересов – отечественный бизнес не склонен рисковать в конфликтном регионе.

Характерным является прочное, несмотря на неотмененный вердикт МУС о его аресте, положение действующего президента Судана Омара аль-Башира, правящего страной с 1993 г., лавируя между исламистами, армией, племенами и местными традиционалистами, разделенными на кланы и религиозные братства. Лидера исламистов Хасана ат-Тураби он использовал в начальный период пребывания у власти. Племена стравливал, используя ополчение арабизированных кочевников «джанджавид» против оседлых африканцев. Племенных лидеров, «прикормленных» нефтедолларами, поддерживал против сепаратистов. Используя борьбу Запада против «Аль-Каиды», базировавшейся в Судане в 90-е годы, наладил отношения с США и Францией, поддерживавшихся Саудовской Аравией и Катаром. Влияние этих тандемов балансировало связи с Китаем. Аль-Башир установил систему отношений с Эфиопией и Эритреей, Египтом и Ливией, Чадом и южносуданскими лидерами, которая позволила ему прочно контролировать центр и север страны, поступившись югом. Признание независимости Южного Су-

дана легитимировало его в глазах мирового сообщества. Сепаратизм в других провинциях им пресекается, а попытки Джубы поддержать эти движения пока провалились.

Эритрея, которую с 1993 г. возглавляет Исаяс Афеворки, находится в постоянном конфликте с соседями. Спор с Джибути ограничен присутствием на его территории воинских контингентов Франции и США. Противостояние с Йеменом из-за островов Дахлак, которые, по сообщениям арабской прессы, используются военно-морским флотом Израиля, а по сообщениям израильских средств массовой информации, являются частью организованного Ираном маршрута транспортировки оружия и боеприпасов в Газу по Красному морю, окончилось в пользу Асмэры. Лишь имеющий исторические корни конфликт с бывшей метрополией – Эфиопией, по-настоящему опасен для страны. Помимо пограничных стычек, которые в случае обострения ситуации могут перерасти в очередную эфиопско-эритрейскую войну, руководство Эритреи обвиняется в организации на территории Эфиопии терактов, включая попытку уничтожения лидеров Африканского союза на проходившем в Аддис-Абебе в мае 2011 г. саммите АС. Нестабильную внутреннюю ситуацию в стране, характерную межплеменными и межэтническими конфликтами, обостряет большое число беженцев и перемещенных лиц, в основном из Сомали. Эритрея поддерживает сомалийских исламистов, финансируя и снабжая оружием боевиков, действующих против войск АС и эфиопской ар-

мии. Ее правительство обвиняется и в связях с сомалийскими пиратами, хотя, судя по контактам с Израилем, обладает прагматичностью и «многовекторностью» внешней политики.

Поддерживая тесные связи с Саудовской Аравией, Эритрея не входит в ЛАГ, хотя арабский язык – один из двух наиболее распространенных в стране. Ее внешняя торговля ориентируется на Индию, Китай, страны ЕС и Саудовскую Аравию, а военно-техническое сотрудничество с Россией обеспечивает поддержание баланса сил с Эфиопией. Экономика – сельское хозяйство, рыболовство и портовый транзит, слаборазвита и не представляет интереса для инвесторов. Охватившая летом 2011 г. Африканский Рог сильнейшая за 60 лет засуха поставила значительную часть населения страны на грань гуманитарной катастрофы.

Республика Джибути – бывшее Французское Сомали, позже Французская территория афаров и исса, после отделения Эритреи выполняет роль единственного для Эфиопии выхода к морю, обеспечивая торговлю Аддис-Абебы с внешним миром. Глубоководный порт Джибути контролируют базы военно-морского флота и военно-воздушных сил Франции, личный состав которых составляют 2700 военнослужащих. С 2001 г. в Джибути базируется 152-е оперативное соединение военно-морских сил участников антитеррористической операции, действующих против сомалийских пиратов, США, Великобритании, Франции, Германии, Испании и

других государств. Возможность захода туда имеют и корабли российского военно-морского флота, патрулирующие побережья Сомали и Аденского залива. С 2002 г. на базе Кэмп-Лемонер находится штаб Объединенного тактического командования американских вооруженных сил в районе Африканского Рога, укомплектованный контингентом в 1700 военнослужащих США. С 2011 г. военно-морскую базу создала в Джибути Япония. В то же время в использовании порта Джибути заинтересованы и сами пираты, а также контрабандисты, исламисты, торговцы оружием и наркотиками. Слаборазвитая местная экономика зависит от реэкспорта в Сомали, ОАЭ и Йемен и экспорта из Саудовской Аравии, Индии и Китая. Опора французов в колониальный период на афаров и доминирование после обретения независимости исса, приведшее в 1979 г. к партизанской войне афаров против исса и гражданской войне 1992–2000 годов, легли в основу современного баланса племенных интересов. Противоречия в сталкивающихся на территории этой маленькой страны интересах Эфиопии, Эритреи и Сомалиленда сглаживаются присутствием в Джибути западных военных, хотя беженцы, перемещенные лица и засуха значительно осложняют ее положение.

Сомалийское государство – Пунт эпохи египетской царицы Хатшепсут, де-факто более не существует. Крупнейшими из анклавов, возникших на его территории, являются Сомалиленд и Пунтленд. Временное федеральное правитель-

ство президента Шарифа Шейха Ахмеда при поддержке воинских контингентов АМИСОМ из Уганды и Бурунди контролирует только часть Могадишо и небольшие территории на границе Эфиопии и Кении. Гальмудуг и Химан и Хееб не управляются местными властями, их население живет за счет пиратства и контрабанды оружия. Часть провинций Гальмудуд и Мудуг «курируют» исламисты из «Ахль-Сунна-валь-Джамаа». Ведущей военно-политической силой юга, включая порт Кисмайо, является родственное «Аль-Каиде» радикальное исламское движение «Аш-Шабаб», контролирующее исламские вилайеты Сомали, противостоять которому смогли только эфиопские войска – до 2009 г., АМИСОМ и кенийская армия – в 2011 г. Единственный регион страны, сравнительно стабильное внутреннее положение которого позволяет поддерживать на его территории экономическую активность, – Сомалиленд.

На территории страны и за ее пределами, в том числе в Джибути, Эритрее, Кении и Йемене, сосредоточено от 700 тысяч беженцев и 1,5 миллиона перемещенных лиц (по официальной статистике ООН), до нескольких миллионов (по неофициальным данным) человек, покинувших места постоянного проживания из-за гражданской войны. Засуха 2011 г., угрожающая жизни миллионов сомалийцев, обострила эту проблему. Основа сомалийского общества – племенные объединения, крупнейшие из которых: хавие, дарод, исак, раханвейн и дир. Сотни тысяч выходцев из Сомали живут в

США и странах ЕС, образуя замкнутые землячества, являющиеся ядром преступных группировок и тылом сомалийских пиратов, занимаясь для них разведкой, переговорами о выкупах и обеспечением финансовой деятельности. Эффективность борьбы с пиратами без зачистки побережья Сомали минимальна. Акватория, контролируемая ими в Индийском океане, доходит до побережья Индии, Маврикия и Сейшельских островов, а сумма получаемых выкупов растет из года в год, в 2011 г. превысив \$ 100 миллионов. Мировая юридическая система демонстрирует в этом вопросе полную беспомощность, возражая даже против присутствия на борту судов, следующих через опасные воды, частной охраны. Еще одним нерешенным вопросом является система наказания пиратов: доказательная база, как правило, недостаточна для европейского правосудия, судить их в странах БСВ западное сообщество не может из-за неотвратимости вынесения им смертных приговоров, а оставлять в европейских тюрьмах – из-за опасности подачи ими после отбытия наказаний заявлений на натурализацию.

Глава 4

Страны, которых нет

Значительная часть государств БСВ, а также Палестина, так и не ставшая государством несмотря на все усилия мирового сообщества и Израиля, руководство которого на протяжении длительного времени безуспешно пыталось реализовать модель «два государства для двух народов», децентрализованы. Обладая признаками формальной государственности, признанные на международной арене, они на деле состоят из территорий, подчиняющихся центральному правительству только формально, или открыто декларирующих свою независимость. Часть этих стран находится в процессе распада, который может завершиться прекращением их существования, дестабилизируя обстановку в соседних государствах. Другие уже распались. Среди них есть бывшие претенденты на региональное или общеарабское лидерство, прочность государственных систем которых, как выясняется сегодня, держалась исключительно на политическом авторитаризме и силовом подавлении любой оппозиции и рухнула в отсутствие диктаторов или монархов, тем или иным путем потерявших власть. Демократия западного типа, которую пытались насадить на их территории извне, в этих странах не прижилась, поставив под вопрос как самую возможность ее существования в регионе, так и судьбу пока еще

стабильных государств БСВ в случае, если правящие там монархи или диктаторы не удержат властные полномочия.

Характерным примером такого разрушения ближневосточной авторитарии является Ирак, бывший в годы диктатуры Саддама одним из лидеров Ближнего Востока. Республикой эта страна стала после переворота 1958 г., в ходе которого король и все руководство страны были уничтожены, а объединение Ирака с Иорданией в Арабский союз, о котором родственные династии договорились несколькими месяцами ранее, сорвано. Перевороты 1963 г. вначале привели к власти партию БААС, а затем военную хунту, которую в 1968 г. БААС вновь отстранила от власти. Все это отличалось от ситуации в Сирии и других арабских странах разве что жестокостью в отношении свергаемых лидеров страны, уничтожавшихся вместе с их окружением. В 1979 г. к власти в Ираке пришел Саддам Хусейн, правивший этой страной до 2003 г. Его правление ознаменовалось войной с Ираном в 1980–1988 годах, оккупацией Кувейта в 1990 г., подавлением восстаний курдов и шиитов. В ходе американо-британской интервенции 2003 г. при поддержке международной коалиции он был смещен, а в 2006 г. казнен.

Сегодняшний Ирак формально – парламентская республика, основой которой является распределение федеральных постов между курдами и арабами – шиитами и суннитами. Фактически центральная власть контролирует только ряд регионов, уровень сепаратизма чрезвычайно высок, и да-

же некоторые кварталы столицы подчиняются только лидерам живущих там общин. В стране проходят массовые этнические чистки, диверсионно-террористическая война всех против всех идет на всей территории, кроме Курдистана, который строит основу будущей независимости: лидеры двух курдских враждующих кланов разделили власть: Джаляль Талабани стал президентом Ирака, Масуд Барзани – президентом Курдистанского региона, а с 2006 г. в Курдистане существует единое правительство. Преследования меньшинств – йезидов, мандейцев и христиан поставили их на грань исчезновения. Так, число христиан в Ираке с момента обретения им «демократии» сократилось на треть, несмотря на западный оккупационный корпус. Иракский парламент почти не функционирует: выборы прошли в марте 2010 г., но соглашение о формировании правительства было заключено лишь в ноябре, поставив мировой рекорд. Значительная часть военно-политических структур страны ориентируется на Иран, а в ряде регионов влияние Ирана и Турции является доминирующим. В отсутствие иностранной военной силы или местной диктатуры самостоятельное существование Ирака маловероятно, а отделение Курдистана неизбежно. Эта страна – типичный пример того, что в условиях БСВ сосуществование этноконфессиональных общин возможно только в жестком унитарном государстве.

Еще одним примером этого является Ливан. С момента получения независимости в 1943 г. высшие государствен-

ные посты и парламентские квоты закреплены за религиозными общинами. Президент страны – христианин-маронит, премьер – суннит, спикер парламента – шиит, правительство и парламент поровну делят христиане и мусульмане – на основе общинного квотирования. Парламент – Ассамблея представителей состоит из 128 депутатов. Мусульман представляют 27 – суннитов, 27 – шиитов, 8 друзов и 2 алавита. Христиан – 32 маронита, 20 православных армян, 2 армянина-католика, 7 православных греков, грек-католик, протестант и один представитель от прочих общин. Демографические изменения, идущие по стандартным для всего региона правилам: рождаемость у мусульман выше, чем у христиан, у шиитов выше, чем у суннитов, а эмиграция в первую очередь затрагивает христиан, стали причиной политического дисбаланса и борьбы за передел власти. Нормой жизни страны, несмотря на ее имидж «ближневосточной Швейцарии», на протяжении всей ее истории являются гражданская война и оккупация иностранными войсками – единственными гарантами внутренней стабильности. Гражданские войны 1956–1958 и 1975–1990 годов, интервенции США в 1958 г., Израиля в 1978 и 1982 годах, Сирии в 1976 г. (в рамках межарабских сил) окончились израильской – до 2000 г. и сирийской – до 2005 г. оккупацией Ливана. Последовавшее за этим противостояние просаудовских и поддерживаемых Ираном просирийских военно-политических группировок привело к усилению ориентирующей на Иран шиит-

ской «Хизболлы» (23 места в парламенте) и войне с Израилем 2006 г. Дополнительно дестабилизирует обстановку присутствие в Ливане палестинских беженцев. Их лагеря, являющиеся центрами исламистского влияния, криминальной и террористической активности, периодически «защищаются» ливанской армией при поддержке конфессиональных военных милиций.

Палестину можно с полным основанием причислить к несостоявшимся проектам мирового сообщества – она заслужила это, даже не успев стать государством. Надежды на прекращение палестино-израильского противостояния привели к подписанию Израилем с Организацией освобождения Палестины в сентябре 1993 г. «Декларации принципов о временных мерах по самоуправлению», а также всех последующих документов: каирской декларации «Газа-Иерихон» (май 1994 г.), вашингтонского временного соглашения (сентябрь 2005 г.) etc. Первоначальный срок в 5 лет, в течение которого палестинское государство должно было быть построено, истек 4 мая 1999 г. Вместо окончательной договоренности между сторонами о статусе палестинских территорий в соответствии с подписанным в Шарм-эль-Шейхе соглашением, в сентябре 2000 г. по инициативе Ясира Арафата было начато вооруженное восстание – интифада аль-Акса. Пытаясь разрешить противоречия между политическими теориями левого лагеря и действительностью, Израиль в 2005 г. в одностороннем порядке вывел армию и эвакуировал посе-

ления из сектора Газа. Однако проведенные по настоянию руководства США выборы 2006 г. окончились победой исламистского движения ХАМАС, попытка сотрудничества с которым руководившего ООП и ПНА ФАТХ привела в 2007 г. к гражданской войне между палестинскими группировками и разделе сфер влияния. Власть в Газе удержал ХАМАС во главе с Исмаилом Ханийей, опираясь сначала на арабские монархии, а затем на Иран. На Западном берегу реки Иордан при поддержке Израиля управление осталось под контролем ФАТХ, который в 2008 г. пролоббировал «переизбрание» Махмуда Аббаса Центральным советом ООП на пост президента Палестины. Обращение в сентябре 2011 г. к ООН с просьбой одностороннего признания Государства Палестины в границах 1967 г. – легитимный повод для разрыва отношений Израиля с ПНА, денонсации соглашений и восстановления контроля над всей Иудеей и Самарией. Палестинский опыт показал, что выборы на БСВ приводят во властные структуры исламистских радикалов с тем большей вероятностью, чем более демократическими эти выборы являются.

Республика Йемен, север которого стал Йеменской Арабской Республикой после военного переворота 1962 г. и гражданской войны, а юг – Народно-Демократической Республикой Йемен, получив независимость от Великобритании в 1967 г., объединились в 1990 г., после военной победы Саны над Аденом. Гражданская война 1994 г. окончилась про-

валом попытки отделения южан, но противостояние президента Али Абдаллы Салеха с оппозицией привело к его бегству из страны после покушения, едва не окончившегося его гибелью. Возвращение Салеха только интенсифицировало гражданскую войну. Как и в других странах арабского мира, политические партии Йемена сформированы на базе племен, религиозных объединений или группировок авторитарных лидеров. Правительство даже в лучшие времена не контролировало племена и исламистских радикалов. С ростом протестов, в 2011 г. перешедших в открытое вооруженное противостояние между войсками, оставшимися верными Салеху, племенными формированиями и частями, выступившими против него, усилился сепаратизм южан. Прекращение существования Йемена как единого государства не оформлено политически и юридически, однако является фактом. Единство оппозиции – «Лики Муштарака», держится на противостоянии Всеобщему народному конгрессу Салеха, однако общность интересов исламистского Йеменского объединения реформ – «Ислах» и марксистов из Йеменской социалистической партии исчерпывается свержением режима, после чего отделение юга столь же вероятно, как разделение Йемена на враждующие между собой и с соседями анклавов.

Ливийская монархия завершила свою историю 1 сентября 1969 г., когда король Идрис I был свергнут капитаном Муамаром Каддафи. Лидер революции полковник Каддафи (от-

метим скромность вождя ливийского народа, который, получив неограниченную власть, не стал присваивать себе генеральские погоны или маршалский жезл) до августа 2011 г. продолжал править страной, противостоя авиации и флоту НАТО, поддержавшим антиправительственный мятеж племен Киренаики с центром в городе Бенгази, однако потерпел поражение и был убит. Ситуация в Ливии внушает не больше оптимизма, чем будущее Ирака, Афганистана или Сомали. Противостояние племен приобретает необратимый характер, переходя в гражданскую войну. Склады с оружием и национальные ценности расхищаются. Формирование территориальных племенных союзов, контролирующих нефтеносные районы, трубопроводы и терминалы на средиземноморском побережье, закрепляет расчленение страны. Возникновение альянсов полевых командиров, включая салафитов, объединение берберов Триполитании у тунисской границы и укрепление салафитов в Киренаике, введение визового режима на границе с Египтом – слабая основа для функционирования дееспособного правительства.

История Судана, независимость которого была провозглашена в 1956 г., – это гражданские войны 1955–1972 и 1983–2005 годов, а также референдум о независимости Южного Судана, проведенный в январе 2011 г., по результатам которого впервые в новейшей истории в Африке был зафиксирован официальный пересмотр постколониальных границ. Перевороты 1958, 1964, 1965, 1969, 1971, 1985 и 1989 годов

окончились с приходом к власти правящего до настоящего времени Омара Хассана аль-Башира. Возвышение и падение исламистов под руководством Хасана Абдаллы Тураби помимо прочего привело к пребыванию в стране с 1991 по 1996 год Усамы бен-Ладена. Распадом Судану угрожают этнические конфликты и мятежи в Дарфуре, Кордофана, Беджа и ряде других провинций. Опасны и внешние конфликты – пограничные споры с соседями: Египтом из-за треугольника Халаиб, восходящего к 1902 г., и Республикой Южный Судан из-за нефтеносного района Абьей. Суданская государственность – результат баланса между традиционными лидерами, армией и исламистами, держится на системе сдержек и противовесов аль-Башира. Судан продемонстрировал шаткость границ, проведенных европейскими и международными арбитрами в период деколонизации, и неизбежность распада искусственных образований, формирующих современную карту Африки и БСВ.

Это же продемонстрировал и пример Сомали – независимой с 1960 г., страны, период стабильного существования которой между путчем 1969 г., в результате которого к власти пришел генерал Мохаммед Сиад Барре и его свержением в 1991 г. включил попытки переворотов, Огаденскую войну с Эфиопией 1977 г. и восстания 80-х годов. За этими событиями последовал распад страны, голод, неудачная западная интервенция 1992–1995 годов, захват столицы и порта Кисмайо Союзом исламских судов в 2006 г. и его разгром

в результате эфиопской интервенции, окончившейся в 2009 г., после вывода Аддис-Абебой своего воинского контингента. Как указано выше, переходное Федеральное Правительство при поддержке воинских контингентов Уганды и Бурунди удерживает под контролем лишь часть столицы – Могадишо. Юг и юго-запад страны, Исламский Эмират Сомали контролируют исламисты «Аш-Шабаб» и «Хизб-уль-Ислами». Север – Республика Сомалиленд. На остальной территории возникли Пунтленд, Рас-Кайсар, Авдалленд, Джубалленд, Азания, Нортленд и Маахир, Галмудуг и Мудуг, Химан и Хеб. В отдельных районах страны власть принадлежит движению «Ахль-Сунна валь-Джамаа», криминальным кланам и пиратским группировкам. Этнически родственные сомалийские племена и кланы демонстрируют на практике, что означает местная пословица: «Я и моя страна против всего мира, я и мое племя против моей страны, я и мой клан против моего племени, я и моя семья против моего клана, я и мой брат против моей семьи, я против моего брата». Понятно, о какой демократии, каком государстве и каких республиканских традициях в такой ситуации может идти речь. Ситуация типичная для стран Ближнего и Среднего Востока, хотя в случае Сомали и доведенная до крайней черты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.